

Цена 20 коп.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЕ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:			Без приложений:		
На один месяц	— р.	— к.	На один месяц	— р.	40 к.
„ три месяца	2	—	„ три месяца	1	10 „
„ шесть месяцев	3	80	„ шесть месяцев	2	20 „
„ двенадцать месяцев	7	—	„ двенадцать месяцев	4	— „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

**ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.**

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 8

1927 г.

М А Й

20

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

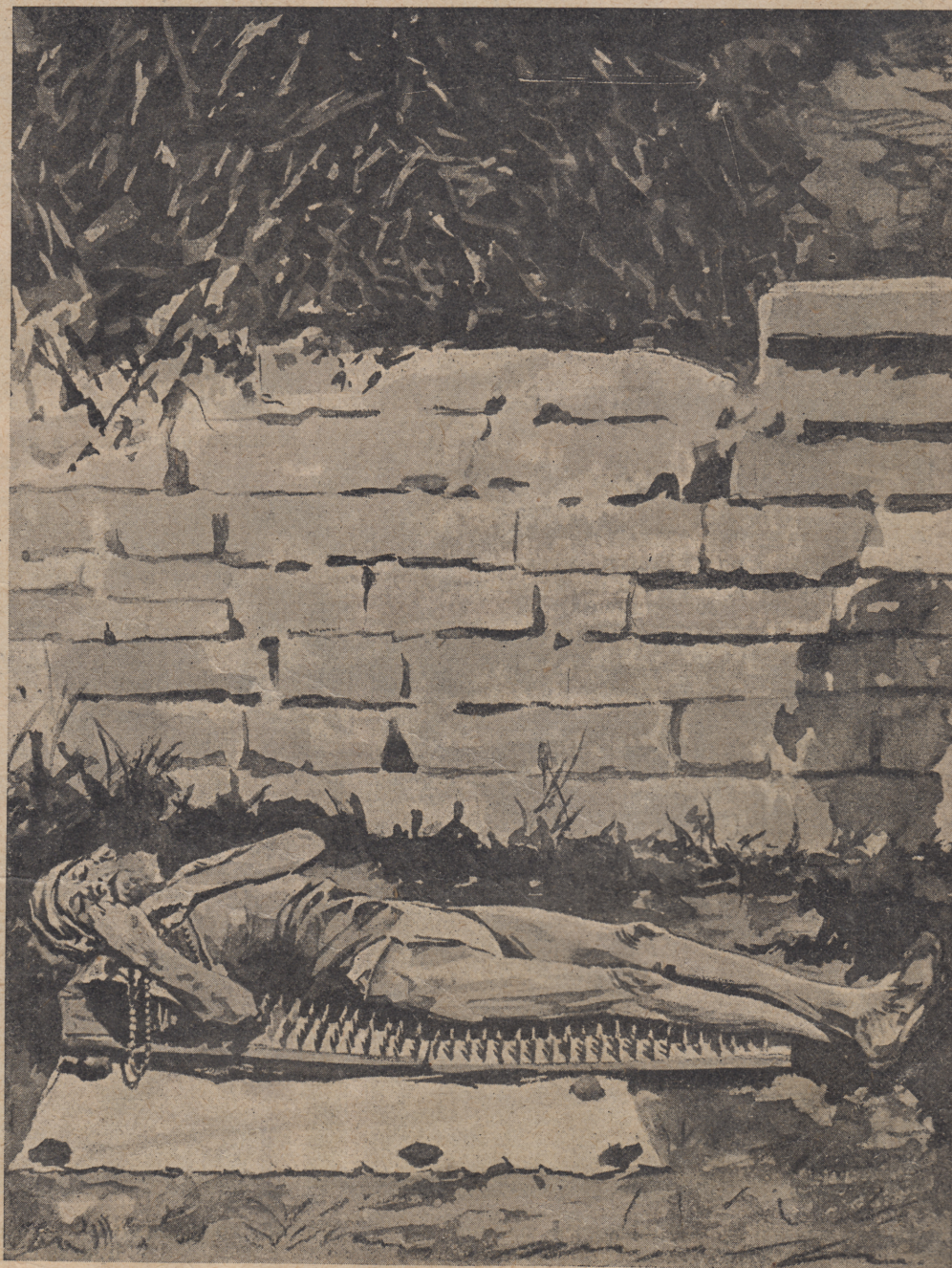
Содержание: В. Ман. „Старые и новые“. (Союз молодых). — П. Энкхистер. „Заповедное место“. — Лесник. „Мои собаки“. — Х. Пристрам. „Бухта страха“. — О. Яковлев. „Великие верблюды каравана Там-Там“. — Дж. Остен. „Конец земли“ и т. д.

„ЧУДЕСА“ ФАКИРОВ

Много «чудес» проделывают всевозможные факиры перед своими разноплеменными зрителями в разных частях света. Один безбоязненно берет в руки ядовитых змей и спокойно переносит их укусы; другой на глазах у всех присутствующих из простого семени выращивает целое растение, которое распускается даже цветком; третий останавливает биение своего пульса, а следовательно, и все свое кровообращение; четвертый бездыханным трупом ложится на несколько часов в саженную яму, в которую его закапывают и из которой его, по истечении указанного им срока, выкапывают здоровым и невредимым; пятый ложится голым телом на заостренные концы гвоздей или мечей и разрешает даже большим молотом разбить на своей груди кусок мрамора.

Словом, всех «чудес» не перечить, но только все эти явления едва ли можно назвать «чудесами». Ведь чудом мы называем все то, что совершенно не поддается естественному объяснению и повелительно требует вмешательства сверхъестественной, потусторонней силы. А все указанные здесь «чудесные» явления либо объяснены и поняты целиком, либо намечен правильный путь к их научному истолкованию, либо они оказались просто надувательством легковой толпы.

Возьмем для примера укусы ядовитых змей. Здесь нет обмана, но человек обезвредил себя от них тем, что исподволь приучил свое тело безболезненно переносить сначала небольшую, а затем и основательную дозу змеиного яда. Нельзя назвать чудом и самопогребение, раз нам известна его причина — каталептическое состояние. И не подлежит никакому сомнению, что это погребение заживо уже в ближайшем будущем найдет себе исчерпывающее объяснение.

ОПЫТ С ПОГРЕБЕНИЕМ ЗАЖИВО

Молодой египетский факир, Хамид Бей, удивлял недавно американцев своим жутким опытом самопогребения. Опыт ставился под наблюдением врачей и журналистов.

Хамид Бей осматривается медиками перед тем, как погрузиться в каталептическое состояние.

Факира опускают в песочную яму глубиной около сажени.

Рот и ноздри у погребенного плотно закрыты; весь он покрыт песком.

Факир возвращается к жизни после трехчасового пребывания в яме.

Рис. худ. И. Королева.

Содержание первой части.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в займке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилу, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилу возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авил, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

Она хватается руками за растрепанные волосы и рвет их, как кудель. Выданные волос за волосом улетают по ветру.

— О-о! — воет Натаха, — Дука, дочи, куда ты ушла, на кого нас покинула?..

Воет Натаха, а Викеша подвывает, как маленький волчонок. Дука — это его покойная мать. В прошлую зиму она уехала на устье реки Колымы за нерпами-тюленьями, да так и не вернулась с промысла.

Много оставил богатства Викентий Русак своей белой очелинке, когда уезжал на родину: сетей на вешалах, и одежды в сундуках, и муки в парусиновых мешках, собственную упряжку собак из города вернул, сам уехал на сменных, на почтовых. Да одного не оставил Викентий Русак — веселой удачи и легкости, увез свой талант на родину, в далеку Русь, оставил и Дуку и мальчика Викешу в добычу зубастому «уросу». «Урос», «урок» это — дух неудачи. Он прячется в лесу под корнями, и в болоте под пнями, и кидается встречным на шею, выедавая у них счастье.

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ.

Глава I

— Леший, а леший, возьми этого мальчишку!

Бабушка Натаха, сверкая безумными глазами, выбежала на улицу и вызывает к темному, седому лесу, к стати же лес начинается у самого крыльца. Руки протянула вперед, волосья раскосматил — ведьма ведьмой...

Викеша немного отбежал, стал на четвереньки, как собака, и ждет, что будет. А сам между прочим зудит тоненько, назойливо, как тощий комарик:

— Баба, исть!

— Он есть просит! — вызывает Натаха еще яростнее прежнего. — А у меня нет еды!..

О нем стародавние песни поют:

А и горе, горе-гореванье,
А и в горе жить, не кручину быть,
Не кручину быть, не стыдиться...

Но трудно человеку не стыдиться, не кручиниться под игм жестокого лесного оборотня.

Как уехал Викентий Авил, с того же дня стали Наташонки хиреть и сохнуть, словно бы их подменили.

Сутки пролежала Ружейная Дука в избе, как без памяти. Сестры постучали, перестали. Натаха велела: «Отстаньте!» Потом выползла Дука наружу, вскинула ружье, крикнула Кровоода, любимую собаку уехавшего мужа и ушла в лес. Ходила день и ночь. Слышали домашние выстрел, только один. А потом воротилась из лесу и чудно: принесла за спиною звериную тушку, не волка, не лисицу, а эту самую собаку Кровоода.

Ахнула Натаха. «Почто?.. Собака то была дорогая».

— Так! — отозвалась Дука и стала обдирать шкуру. Ободрала, слегка просушила и постлала на постель, в собственные изголовья.

За эти две трудные ночи Дука словно постарела. Даже щеки у ней ввалились и волосы стали жидкие и пестрые, как у сорокалетней.

Нужно было, однако, жить, работать. В первобытных условиях жизни действует основной закон: «Не трудящийся не ест». Но дело валилось у Дуки из рук. К матери она не вернулась и осталась в Викентьевой стройке. Работать норовила одна без сестер. Поедет по дрова на собаках, вынет топор, к лесине подойдет и станет, стоит. Словно забыла что.

А в голове долбит одно: «Бросил, забыл!»

Бабушка Натаха смотрела озабоченно и затеяла вдруг заклинять Викентия с ножа, как это водится у колымских присушных мастериц. Нож отрезает присуху и отделяет ненужную любовь.

Для своего заклатья старуха утащила у дочери старый набедренный ножик, оставленный Викентием. Но только что поставила Натаха нож острием на запад и стала выкликать подходящие слова:

— «Заря зареница, ясная девица, заря ночная, заря вечерняя, отрежь молодца от сердца, от ума, от печени, от жалости»... — как вдруг выскочила Дука из избы и отняла нож и при этом в торопях больно толкнула Натаху.

— Как мать? — крикнула Натаха с изумлением.

— Какая ты мать? — запальчиво крикнула Дука — ты...

На Колыме господствовал натуральный словарь и вещи назывались по-просту настоящими именами.

Не могла стерпеть Дука, чтобы отрезали от нее Викентия, даже в пустом воздухе, и не взирая на то, что Викентий отрезался сам.

Подравшись с матерью, стала Дука на бегучие лыжи и с верным ружьем и своей собственной сучкой Губанькой, побежала в лес. Бежала весь день до ночи, скатываясь с длинных тянигузов (косогоров), выбегала на лысины голых бугров, ныряла в крутые овраги, продиралась в чащиннике, не хуже лосихи с железными ногами. И к вечеру

на речке Березовой и густой непроходимой чаще, в яру под ручьем Муруданом, отыскала Ружейная Дука новое чудо. Лиственница, стоявшая пред яром, заиндевала, как будто от дыхания, и вся разувесилась длинными бородами пушистых стеклянных нитей.

Дука поняла, что под яром в глубине есть кто-то большой, дышущий.

— Медведь! — подумала Дука. — Тебя-то и искала.

Спящего в берлоге медведя поречане не тревожат, особенно один на один. Но Дука в этот день была опаснее медведя.

Она дернула из-за пояса свой маленький топорик, без которого северный охотник не выходит из дому, выбрала мохнатую лесину и в несколько ловких ударов свалила ее на снег. Потом поднесла ее к берлоге и дерзко сунула в глубь, в темноту. Послышалось рычание, сперва тихое, словно с просонья, потом громче, сердитее.

Сучья затрещали и из берлоги показалась голова, увенчанная жесткой зеленой хвоей. Медведь оцарапал себе морду сучьями и был в прескверном настроении. Но Дука не робела.

— Выходи! — позвала она его. — Мужичина лесной, башка толстоголовая!..

Медведь выскочил из ямы с неожиданной силой и мягкостью. Потом подумал и встал на задние лапы. Еще подумал и пошел переваливаясь на встречу непрошенной госте.

— Принимай гостей, — усмехнулась Дука, — брошенную бабу.

Была такая старая сказка, где жена, брошенная мужем человеком, ушла к медведю и прижила с ним дитя: полтела медведь, полтела человек.

Медведь продолжал подходить. Дука видела его красивые бегающие глазки, видела каждый волосок жестких коротких ресниц. И также сразу она подхватила ружье, приложила, пальнула. И медведь упал, как пораженный громом. Прямо в сердце угодила меткая острая пулька.

— Что, взял? — сказала Дука. Она подошла, не дожидаясь, пока медведь не перестанет дергаться, и поставила ногу на еще живое тело.

— Всех бы вас так!

Это относилось не медведю, а к мужчине. Лесной мужичина поплатился за бегство Авилова.

И тут ощутила Дука, что ей стало легче. Черная кровь, вытекшая из чужого сердца, как будто отворила ее собственное сердце, запечатанное горем... Из брошенной мужней жены она стала опять Ружейной Дукой, вольной лесной охотницей.

После того жизнь Дуки потекла, как три года назад, когда еще не было Викентия Авилова на заимке Веседой.

Она выметывала сети на нельму и чира, ставила хитрые ловушки: *пасть* на лисицу, *плашку* на зайца, *черкан* — на горноста, лук-самострел — на оленя и лося. Да мало ли еще.

Было ей вначале трудно. Она привыкла за три года жить за широкой спиной и крепкими руками Русака, а теперь приходилось опять работать за двоих. Но Дука справилась.

Соседи присматривались к ней и дали ей новое прозвище в придачу к прежнему: «Мужик-Баба». Дука, действительно, ворочала за бабу и за мужика. Впрочем, она так и осталась нелюдимой, с сестрами не говорила, а только отвечала на вопросы: «да», «нет», «возьми».

Мальчика она держала при себе и ходила за ним, как умела. Ночью придет из лесу, сварит, поест и мальчика накормит. В те дни, как уехал Викентий Авиллов, Дука сразу потеряла молоко и поневоле приходилось кормить мальчишку мясом. Впрочем, Викиша к мясу относился, как волченочек. На втором году у него был полон рот зубов. И в этом Дука отошла от своих соседей, которые кормили грудью детей до 3-х лет и дольше.

Покормит ребенка и положит с собою в постель. В изголовьях шкура Кровоеда, занапрасно убитой собаки, шкура медведя на полу. И начнет Дука разговаривать.

— Викентий! — плакала она громко, в голос. — Вернись! Куда ты ушел? Кровоед, кровь мою выпил! Мохнатое сердце!

Она как будто смешивала во едино убитого кобеля с бежавшим мужем. — Собака, другую завел!

Глаза ее гневно сверкали и она готова была сдернуть топорик с крюка и выскочить за дверь на поиски за дальней соперницей. Долго потом помнил Викиша простоволосую мать свою с ее слезами и диким болезненным криком.

— Мохнатое сердце твое, желчь твоя медвежья! — бранила Дука отсутствующего мужа.

— И ты тоже, волченочек, медвеженочек! — обращалась она к сыну. — Русская собака! Сердце мое дорогое!

И она хватала сынишку и душила его поцелуями.

Так шло год и два, а потом Дука утихла. Но мальчик рано начал понимать и разговаривать. Дука разговаривала с ним по вечерам, но более спокойно, и все об отце.

— Русак твой отец, из далекой земли. Пришел, забрал! Не сгодились мы ему. Бросил, утек! Как пришел, так и ушел, как летнее солнце. Русский орел, осилок. Нету другого такого и не будет никогда. Твердое сердце у него, как витое железо. Не здешнего корня, не ровня колымскому народу. Злое сердце. Руки кровавые, убойные.

— Ты тоже русак! — говорила она сыну. — Ты другой такой, Викентий ты Авиллов.

ГЛАВА II.

И вправду, не только именем, но и всем обликом, и соколиным глазом и гордой посадкой головы Викентий был весь в чужеродного отца. Но и теперь уже можно было разобрать, что не будет он столь грузен, и выйдет он более тонкий и более гибкий, не лось, а олень. Густое кровавое пиво злого русака, смешалось с медовой брагой от вольной лесной пчелки и двойным букетом ударило в голову мальчику Викише.

Так рос мальчик из года в год, оторвался от материнской сиськи и от материнской юбки и вышел на улицу, т.е. в сущности в глухой непроходимый лес, начинающийся от порога избы. Северные люди телом вырастают медленно, а душою быстро. Ибо в условиях севера детства почти не бывает. Человеческий детеныш это — двуно-

гий звереныш. И так же точно, как звереныш четвероногий, он научится рано терпению и хитрости, и голоду, и также убийству. Убийство это — промысел. Если не убьешь, не поспедаешь. И не даром чукотская сказка рассказывает твердо установленными типичными словами: Сделал себе (мальчик) лук и маленькую стрелку. В первый день убил трясогузку, за жарил, съел. Во второй день убил куро патку, за жарил, съел. В третий день убил гуся, в четвертый день лебедя, в пятый день оленя, в шестой день тюленя. В седьмой день стал убивать всякую живую тварь, сделался великим промышленником, кормил целый поселок, оброс и обложился запасами.

Таким же ранним охотником сделался Викиша Казаченок и также переходил от малого к большому, умножая и разнообразя добычу. Шести лет от роду он принес матери первую куро патку, пойманную в силкок. Куро патка была живая, так как он и не подумал свернуть ей шею. Впрочем, куро патка замерла от страха и лежала в руке его смирно.

Викиша поднес ее матери и потом ее же упросил не убивать куро патку, а выпустить ее.

— На! — сказала Ружейная Дука. — Пускай летит!

Куро патка охромела от силка. Хромая, пошла по дорожке и нырнула в ерничные*) заросли, только и видели ее. После того жители нередко встречали ее в кустах на городской площади. Даже прозвище дали ей: Аксинья Хромая. Налетных куро паток в городе было сколько угодно, но местная живая куро патка, с именем, с правами городского оседлого жителя, была в новинку. У охотников рука не поднималась убить ее. Даже собаки держались с куро паткой как бы на почве вооруженного нейтралитета:

«Ты не долби меня и я не укушу тебя!»

Рядом с куро патками и зайцами мысли мальчика постоянно были заняты отцом. Какой был отец? Русак, с косматыми руками, огромный, как лесина. Русые волосы и глаза голубые, как у него самого, у Викиши. Он, разумеется, не помнил отца, но представлял его себе явственно.

Мальчик нагибался порою над спокойным ручьем и словно искал в его недвижном зеркале этот загадочный образ. Видел мальчика такого, как Викиша, прибавлял ему мысленно роста и веса, грудь расширял, привешивал к гладкому лицу пушистую бороду — выходил совсем настоящий отец, как две капли вылитый. Но в то же время без сомнения это был мальчик — Викиша. Образ двоился, отходил и просыпался в его собственной груди.

Он перебирал вещи Викентия Авиллова, огромную парку, сапоги с подковами, похожими на конские копыта. Непонятные книги, которые не мог бы прочитать даже главный городской грамотей, Олесов Никола. Рассматривал картинки, четкие и мелкие, непонятные без слов.

— Учись! — сказала мать. — Ты от ученого кореню.

И он самоучкой просиживал над толстыми томами, тщетно стараясь подыскать себе ключ к их таинственной мудрости.

Без помощи дядьки, городского учителя, выучился Викиша русской азбуке и уже шести лет мог вычитывать из книги многое простое, крупное, прямое. Азбуку ему прочитал старый одинокий поселенец, Зотей Жаренный, и тем и закончился его ликнеграм.

Но чаще всего Викентий разговаривал с отцом теми же сердитыми словами, подслушанными у матери.

*) Ерник — ползучая береза.

— Оставил нас, собачья морда! — говорил мысленно отцу. — Тебе хорошо, а нам, небось, маяться!..

— Все равно, я найду, я догоню! Не уйдешь руки моей! Мой меч булатный прольет твою жаркую кровь! — говорил он сказочными словами, как разговаривали богатыри, украшенно и величаво.

Восемь лет было Викеше, когда мать его погибла на тюленьем промысле. В тот год на Веселой был опять недолов рыбы и призрак голода обрисовался над плоскими избами. Рыбаки уходили на дальние озера за чиром, охотники бродили по лесам, на поисках за лосями, но и лоси куда-то исчезли. Скучность стояла по всей реке до самого устья. Но за устьем начиналась новая ожива, охота на взморьи на мелких и крупных нерпей, которые подплыли к берегам на обломках ледяных полей, прибитых к берегу северными ветрами.

Вместе с другими ушла за нерпями и Дука и на этот раз взяла расписную нарту своего русского мужа и его резвую двенадцати-головую упряжку. Упряжку взяла, но домой не вернула и сама не вернулась.

Товарищи по ловле рассказывали: дунул хиус *) с югозапада, унесло ледяные поля в голомяную ширь, чуть сами не потонули. С лединки на лединку перескакивали, собач переводили бродом и почти вплавь, все же перевели.

А Дука была дальше всех и она не успела вернуться.

Вот с этого черного дня Викеша перестал думать об отце Русаке и думал о матери. Она снилась ему даже по ночам, в надледной беде, знакомой всем северным промышленникам.

Льдину откололо и вынесло в море. И собаки жмутся на закраине и воют жалобно. А Дука забила в застругу поглубже гарпун, привязала его ремнями спереди и сзади, как мачту, и сама привязалась за пояс к гарпуну, и стоит, крепко держится за эту последнюю жердь, как за якорь спасения. Волны налетают и бьют через льдину и через голову Дуки. Вся она мокрая насквозь. Одежда ее мерзнет и Дука коченеет.

— Викеша! — зовет она холодными устами, — Мой маленький Викеша!

Она отнимает руки от жерди-гарпуна и протягивает их вперед, и будто летит и падает и исчезает.

Так гибнут на страшном океане морские звереловы из году в год, от весны до весны. И так погибла Викешина мать, Ружейная Дука Щербатых.

Викеша забыл ее настоящее лицо и помнил только этот странный мелькающий образ, женщину с протянутыми руками, летящую над бешеной пеной.

После Дукиной гибели Щербатые девки совсем упали духом. За упряжку и нарту Павел Матвееч, приезжий торговец с реки Индигирки, давал без спору три тысячи сельдей да три пуда жирной толкуши из отборных сигов, чаек, табачек. Такого запаса хватило бы безбедно до нового лета и нового промысла. Было и пить и курить. Теперь не было у них ни Дуки, ни собак, ни запаса.

Урос пахнул на Щербатую девичью вить **), колючая и злая неудача, от которой спасенье в бегстве. Дукины сестры, Чичирка и Липка, бросили избушку на Веселой и сплыли на устье, на низ. Они до того изменили преданиям девичьей семьи, что нашли себе мужиков настоящих, попали в пестунью к чужому очагу. В избушке остались лишь старая да малый, Натаха и Викеша.

На зиму эти перебрались в Колымскую столицу, Середний, т.е. Средне-Колымск. Остаться на Веселой было страшно без еды и почти без соседей. Ибо и другие весельчане разбрелись из-за голода, кто куда.

Кстати же и в Середнем у Щербатых была собственная хибарка, такая же углая, черная, худая, точь-в-точь, как их коренное гнездо на зимке Веселой. Хибарка стояла на самом краю городка, на Голодном Конце, где ютилась городская беднота, хилые «меньшие» люди.

Бабушка Натаха совсем не замечала перемены. Она бранилась и Середнем и Векшей и с лешим, плакалась и Дуке, о всей своей расстроенной жизни.

(Продолжение следует).

*, Ветер.

**) Семья.

ЗАПОВЕДНОЕ МЕСТО

Рассказ П. Энникстера.

Вторично в этот день резкий трубный клич диких слонов гулким эхом пронесся издали, над степями и долинами джунглей и потревожил Эль-Робо в его грязевой ванне. Этот клич извещал о торжественной церемонии в честь вновь избранного вожака стада и Эль-Робо задрожал от злобного негодования.

Больше восьмидесяти лет тому назад, неопытным пятнадцатилетним юнцом, Эль-Робо за свой дурной и свирепый нрав был изгнан из родимого стада. С тех пор он стал о щепенцем, отступником, не признающим никаких законов своих сородичей. Одинокая жизнь полюбилась Эль-Робо: он мог давать полную волю всем своим прихотям, пользовался никем не оспариваемыми пастбищами и купаньями. Правда, ему случалось вести и иной образ жизни: не раз покорял он целое слоновое стадо, победоносно сразившись с вожаком и заняв его место. Но эта роль вскоре ему приедалась и через один-два месяца его злобный характер восстанавливал против него все стадо или же он сам ночью тайно удалялся обратно в свое уединение.

Его боялись и ненавидели от реки Замбези на юге до неисследованной области на севере, от Британской восточной Африки до Ниама-Ниама. Когда он стал уже испытанным в битвах ветераном с пожелтевшими от старости клыками, достаточно было одного его появления перед каким-нибудь слоновым стадом, чтобы вызвать по его адресу все имеющиеся на языке слонов проклятия и угрозы. Эль-Робо отвечал на эту ненависть в полной мере. Одиночество озлобило и ожесточило его, порошний огонек убийцы вечно сверкал в его маленьких красных глазах. Он ненавидел не только слонов, но и людей, и вот почему он приобрел свое прозвище «Эль Робо», что значит «разбойник».

Чем больше он старился, тем сильнее ненавидел жизнерадостную веселость и надменность молодости. И сегодня его взбудоражило это приветствие силе и храбрости молодого (он инстинктивно это чувствовал) вожака.

Судорожным движением он грузно поднялся из воды во весь свой гигантский рост. Было похоже на то, что илистая река внезапно породила серую гору. Туловище Эль-Робо достигало двенадцати футов в высоту, а хоботом он доставал еще на семь футов выше. Своей длинной, злобщей головой, огромными, больше головы ушами, он напоминал представителя вымершей расы, давно исчезнувшего с лица земли, отдаленного предка всех слонов — мамонта.

Горячая волна злобы захлестнула его мозг. Его хобот взлетел кверху и изогнулся назад. Над дремлющими джунглями, разорвав тишину знойного дня и на мило кругом разбудив все спящие существа, пролетел его полнозвучный вызов.

Некоторое время Эль-Робо стоял в ожидании, пронизываемый дрожью в ногах, в полунадежде развеивая свои большие веерообразные уши, чтобы уловить малейший отклик, но боясь

обычного оскорбительного молчания. И вдруг издали, из за холмов, едва слышный, какохотнический рожок из отдаленного лагеря, донесся ответный вызов.

Порывистых от радости неожиданности, Эль-Робо выбрался на берег и снова послал вдаль свой уже задрожавший от старости трубный клич. Потом, как оторвавшийся от поезда вагон или сорванный ураганом дом, ринулся вперед. Трудно себе представить, какую скорость может при желании развить бегущий слон. Быстроходная лошадь не угналась бы за Эль-Робо в открытом поле. В спутанной чаще джунглей она бы, конечно, безнадежно завязла, потому что Эль-Робо не останавливался и не замедлял своего бега. Он с корнем вырывал на ходу старые деревья, сгибая молодые своей могучей спиной и, наконец, с быстротой снежного обвала спустился в долину, расставляя свои ноги с кошачьей ловкостью.

Когда явился Эль-Робо, стадо стояло в ожидании.

Всякие поиски корма были прерваны и все слоны выстроились полукругом, так как каждый из них знал, что должно будет произойти. В мире слонов для таких случаев существуют установленные законы и правила, не менее точные, чем правила дуэлей у людей. Вожак стада, высокий молодой слон тридцати лет стоял отдельно, впереди остальных.

Отщепенец замедлил свой бешеный бег и воинственным шагом вступил в ожидающий круг, снова подняв свой хобот для повторного вызова. Но прежде чем он успел

атрубить, молодой вожак сам с наглой уверенностью повторил свой клич.

Эль-Робо с горячностью протрубил ему в ответ. Покончив с этой формальностью, прежде чем стадо успело переменить свое местоположение, чтобы предоставить побольше простора для бойцов, старый изгнанник поспешил начать битву, внезапно напав на противника, что было ниже всякого достоинства и приличествующих приемов. Кровь, как лава, кипела в его жилах, мозг затуманивался от бешенства. Он потрясал своей наклоненной головой и его мощные одиннадцатифутовые клыки, превосходившие каждый своей тяжестью вес человека и вдребезги разбившие в свое время клыки бесцельных грозных бойцов, блестя, как желтые ятаганы. Менее мощный противник был бы с самого же начала сбит с ног этой неожиданной атакой, но вожак стада с быстротой тигра напряг свои мускулы и искусно встретил и отразил удар врага.

Последовало одно из самых внушительных зрелищ в природе — длительное соревнование в силе и выносливости подлинных владык джунглей. Почва сотрясалась от топота их ног. Они отдувались, трубили и мычали. Бросаясь друг на друга, они снова и снова прорывали сомкнутые ряды зрителей, обращая в бегство визжавших в испуге молодых слоних и детенышей.

Силы противников были равны. Оба были одинаково рослыми. Но Эль-Робо тяжелее и лукавее, зато молодой слон отличался большим проворством и гибкостью. После пятиминутной схватки Эль-Робо понял, что он сразу не дооценил своего врага. Он инстинктивно ощутил, что ему понадобится напрячь все свои силы, чтобы и на этот раз одержать победу. Когда его бешеный пыл охладел, он увидел, что ему не удастся разом нанести смертельного удара, что эта борьба — вопрос силы и выносливости. Впервые, может быть, он почувствовал разрушительное действие старости и свои убывающие силы, а в этом жутко сознался и животному и человеку. Вначале наблюдавшее стадо оставалось в молчании. Но постепенно, чем яростнее становилась битва, из окружавшего ее кольца зрителей прорывались глухая брань, взвизгивания и взволнованные трубные мычания. Старики раскачивались взад и вперед, размахивали хоботом и, поднимая тяжелые передние ступни, били ими об землю, по мере того, как воинственное возбуждение зажигало их кровь. Это было похоже на поведение публики при боксерских состязаниях.

Прошел час, за ним и второй, но ни один из бойцов еще не одерживал верх. Оба уже нанесли друг другу серьезные раны.

Истекал уже и третий час и убывающий дневной свет сменился сумерками, а битва все еще не приняла решающего оборота. Но отступник сознавал, что он истощил уже все свои уловки и свои силы. И вдруг молодой слон внезапно проявил то искусство, которое доставило ему положение вожака стада. В тот момент, когда Эль-Робо ослабил свою бдительность, он неожиданно напал на него с удвоенной силой. Эта непредвиденность вывела изгнанника из равновесия и он свалился. Кольцо хлынувших вперед зрителей сузилось. Но это еще был не конец. Эль-Робо внезапно поднялся и молниеносным движением вонзил свой клык в плечо возмущавшегося над ним и уже торжествующего врага. Однако, скоро уже стало очевидно, что исход битвы медленно приближается. Молодой вожак выигрывал ее не сноровкой, а благодаря своей неутомимости и юношеской способности мгновенно восстанавливать свои силы. Атаки отступника все больше ослабевали, пока, наконец, он не был вынужден перейти только к самообороне, в то время как сила нападения его противника, казалось, нисколько не уменьшалась. Невозможно было сопротивляться его неистощимой энергии и когда Эль-Робо обнаруживал слабое место врага, у него не хватало уже сил воспользоваться этим.

Последняя отчаянная уловка Эль-Робо закончила битву. Выбрав стратегический момент, он намеренно оставил незащищенным свой правый бок. Молодой вожак попался на эту удочку, но Эль-Робо не учел его молниеносного проворства. Вожак повернулся и набросился на Эль-Робо с быстротой выстрела. В темноте ни один глаз не мог проследить того, что произошло, но послышался звук, как от разбивающихся друг о друга во время обвала утесов, и отступник глухо замычал от боли. Он был сражен. Один из его пожелевших клыков сломался и треть его отлетела в сторону, а через открытую пасть хлынула кровь из глубокой внутренней раны.

Когда молодой слон выпрямился над лежавшим Эль-Робо, все увидели, что битва кончена.

Между врагами произошел обмен какими-то неуловимыми знаками и Эль-Робо признал свое поражение. Поэтому, ему было позволено подняться на ноги. С опу-

шенными в знак отступления головой и хоботом, тяжело дыша и кашляя, он медленно попятился из круга в мрак окружающих джунглей, предоставляя торжествующему вожаку трубными звуками извещать ночь о своей победе.

Радостное ответное приветствие стада больно отдавалось в ушах Эль-Робо, пока он прихрамывая уходил через покрытый ночной сыростью лес. Он двигался грузно и медленно, так как его раны были глубоки и серьезны. Не прошло и часа, как стоя среди плотного мрака густой, влажной заросли, он ощутил, что эти раны смертельны, что ему уже больше не оправиться. Это инстинктивное ощущение было безошибочным.

Властный внутренний призыв с непреодолимой силой потянул его к месту последнего успокоения, к Могиле Слонов, избранной в незапамятные времена старейшими и мудрейшими его рода и ревниво оберегаемой от людей и других зверей. Туда уходил слоны, когда они почувствуют первые признаки приближающейся смерти. Вот почему ни один охотник никогда не набредает на останки погибших естественной смертью слонов. Их тайные кладбища обнаруживаются крайне редко, и то всегда случайно. Подобно легендарным погребальным рифам китов южных морей, они всегда находятся в самых отдаленных и недоступных местах.

Эль-Робо, конечно, не размышлял об этом. Просто ощутил потребность найти себе последнее убежище. Он не знал, где лежало Место смерти, но чутье подсказывало ему путь и то, что это было далеко, а жить ему оставалось уже недолго. Повинуясь этому настоянию, он тотчас отправился через пустыню к югу, к дикой горной области Килиманджаро.

II.

Случилось так, что кроме старого отщепенца, еще одно живое существо услышало признаки беспорядка в стаде диких слонов. Нэйль Мак-Квестон, охотник на слонов и поставщик Британского синдиката слоновой кости, с интересом прислушивался из своего лагеря, около мили вниз по реке, к отдаленным трубным звукам. Дело в том, что он уже много дней двигался по следам этого стада и, благодаря своему двадцатилетнему опыту жизни среди джунглей, заключил, что доносившиеся к нему звуки означали какое-то чрезвычайное событие. Вот уже две недели Мак Квестон в сопровождении полудюжины черных носильщиков бродил в соседстве стада, наблюдая и изучая протоптанные слонами следы в чаще джунглей. Но на этот раз его целью была не обычная охота на слонов, а нечто гораздо большее.

В Африке и в Индии ему удалось в свое время близко познакомиться с диковинными нравами и обычаями слонов, с их битвами, их наказаниями преступников из среды стада и их церемониальными сборищами в определенные времена года, похожими на длительные и ритмические танцы.

Но оставалось еще нечто, чего никогда не видел ни он, ни кто либо другой из белых людей. И вот ради этого он уже несколько месяцев подряд прилагал все свои усилия и все знания, добытые им за половину своей жизни, прожитой в тропических странах.

Накануне, когда один из его носильщиков, вернувшись в лагерь сообщил о виденных им на песчаной речной отмели гигантских следах Эль-Робо, Мак Квестон вооружился полевым биноклем и издалека, незамеченный, подробно рассмотрел одинокого зверя. Он сразу же определил, что старый слон был изгнанником и сегодня, услышав его вызов, принятый вожаком отдаленного стада, он один, без носильщиков покинул лагерь и добрался пешком до места битвы. На его худощавом загорелом лице появилось волнение и в глазах вспыхнули искорки, точно раздуваемые ветром угли, так как казалось, что то, чего он так долго ждал, наконец то исполнится.

Со всякими предосторожностями он прокрался к удобному для наблюдения месту, меньше чем в 100 ярдах от поля битвы и, примостившись в разветвлении огромного дерева, он ждал и наблюдал. Ближе подойти он не осмелился, чтобы не обратить все стадо в бегство. Направив с высоты дерева свой бинокль на отдаленную схватку, он был свидетелем редко виденной людьми сцены. Но не сама битва удерживала его в течение долгих часов на его наблюдательном пункте, а ее возможный исход. Наконец, наступление темноты скрыло от его глаз все происходящее на поляне. И прошел еще час, прежде чем улегся возбужденный рев стада и пронзительный победоносный клич известил изощренный слух Мак Квестона о том, кто вышел победителем.

Этого именно момента он ждал, но спустившийся мрак помешал его дальнейшим намерениям. Он не успел приблизиться и на 50 ярдов, как скорее почувствовал, чем

услышал, что вся дикая банда растаяла в лесу. Насколько слабых похрустываний, отдаленное ломание ветвей, — и ночь поглотила огромных животных. С ними исчез и израненный изгнанник.

Стоя среди утоптанного поля битвы, вдыхая ноздрями запах свежей крови и поднятую пыль, Мак Квестон ощутил смертельный исход недавней схватки, но не мог ничего предпринять до наступления рассвета. Поэтому он тут же расположился на ночлег. С первыми лучами дня, оставив условный знак, по которому его носильщики могли последовать за ним, он пустился по одинокому следу Эль-Робо.

След вел прямо на юг и чем дальше, тем чаще отмечался кровавыми пятнами. Следопыт заметил также и другое: Эль-Робо не останавливался ни для еды, ни для питья, и не соблюдал на своем пути никакой предосторожности. Это заставляло с каждой милей кровь Мак Квестона сильнее биться в жилах.

След направлялся из джунглей в степи — унылую, почти безлесную пустыню, которая тянется через внутренность восточной Африки около основания горы Килиманджаро.

Мак Квестон был изощренным следопытом и в продолжении изнуряющего дневного жара неутомимо продвигался вперед по раскаленной безводной местности, ведшей к мало исследованным горам на юге.

Весь день упорный вопрос сверлил его мозг — зачем слон стремится проникнуть туда, где кончались последние деревья, где нельзя было найти ни фуража, ни воды? Единственный ответ казался возможным: раненое животное искало свое последнее пристанище, и Мак Квестон знал все, что это могло означать.

К концу дня он углубился на 20 миль в сердце пустыни, в дикую и мрачную область. Всюду, насколько хватало глаз, лежали хаотично нагроможденные скалы, малорослый, колючий кустарник поднимал кверху злые сучья, словно угрожая всякому, кто осмелится проникнуть в его владения. След животного по прежнему вел все дальше, к югу, к отдаленным подножьям Килиманджаро. У Мак Квестона уже почти иссяк небольшой запас воды в его походной фляжке, но он не обращал на это внимания. Ни за что в мире он не повернул бы теперь обратно. С последними лучами дневного света, он вскарабкался по покрытому трещинами склону одинокого кратера, возвышавшегося над окружающей местностью. Он обвел в бинокль весь ландшафт, в поисках какой-нибудь знакомой приметы местности, но все кругом было чуждо и однообразно.

Оказалось, что конусообразная вершина, на которую он взобрался, была не изолированной возвышенностью, как он заключил сначала, а частью тянувшегося на юго-запад беспрерывного гребня шероховатых склонов. Земля в этом месте в отдаленные времена заколебалась и взгромодила кверху десятимильную цепь гор, вдавив среди них глубокие ущелья.

Молодая луна поднялась из за восточных склонов и погрузила всю местность в чарующий молочный полумрак. Обессиленные тяжелым дневным переходом ноги отказывались служить дальше. Глаза слипались, все тело было словно сковано цепями. Выпив остаток воды, Мак Квестон повалился на землю и долгое время неподвижно лежал, как загнанное животное. Он даже не заметил, как погрузился в глубокий сон истощения...

Прикосновение луча восходящего солнца подняло его на ноги. Проглотив последний запас пищи, он снова пустился по следу Эль-Робо, который вел теперь прямо вдоль вулканических вершин. Через час журчание воды впереди него пронизало все его существо судорожным трепетом. Спотыкаясь и шатаясь от волнения, он кинулся вперед: крошечный ручеек пробивался из скалы, изливаясь очевидно, из какого-нибудь озера, заключенного высоко среди гор. Бросившись на земь, он долго, не отрываясь, пил холодную воду, потом освежил в ней свое разгоряченное лицо и шею. Он заметил, что несколько дальше русло ручья, было растоптано в грязь переходившими через него слонами. Среди отпечатков ступеней других слонов, виделся и след израненного изгнанника. Следы поднимались затем все выше и выше и Мак Квестон стал карабкаться вверх по предательской тропе, изрытой шлаком и шерба-той, как старые пчелиные соты. Торчавшие зазубрины лавы раздирали его тело и одежду. Наконец он достиг вершины.

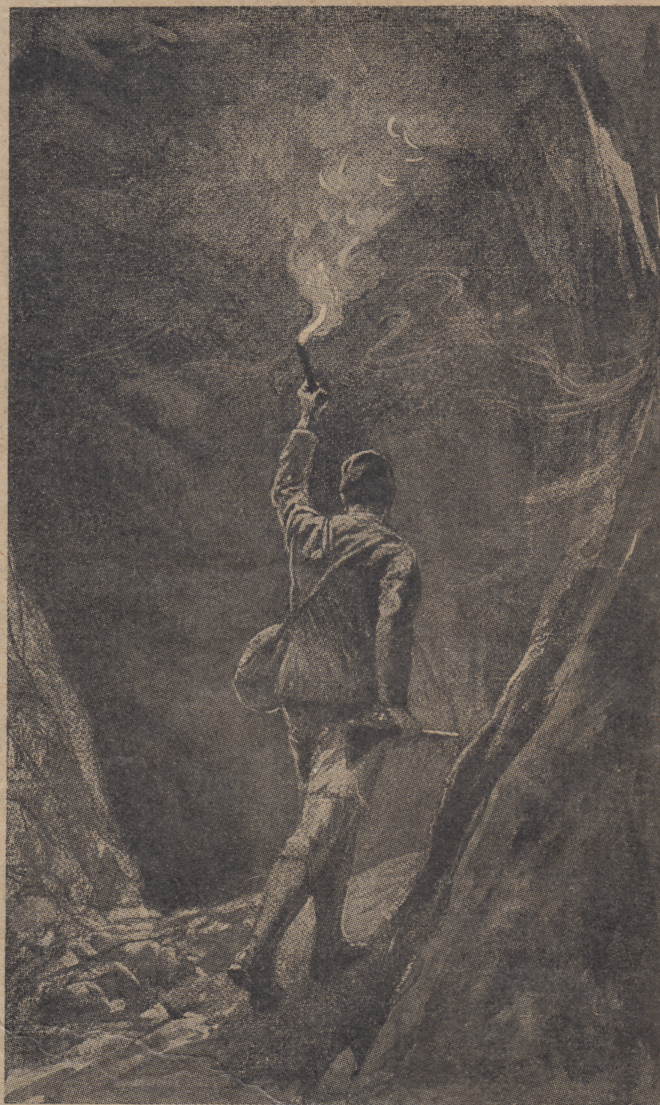
Внизу под ним простиралась пустынная долина с маленькими кратерами, какой-то странной и причудливой формы. Им не видно было конца и все они были похожи один на другого.

Исследуя эту вершину, Мак Квестон свалился по скользкому скату скалы. Окровавленный, с ушибами на всем теле, он поднялся на ноги, как раз перед входом в какую-то пещеру. Она, казалось, вела прямо внутрь горы. Охот-

ник решил исследовать ее и осторожно вступил в нее, но прежде чем двинуться дальше, был вынужден зажечь факел. Пещера извиваясь уходила вниз. Чем дальше углублялся Мак Квестон, тем сильнее чувствовался едкий запах, словно разлагалась сама внутренность горы.

Возобновившиеся следы слонов и знаки на стенах пещеры в тех местах, где слоны, проходя мимо, задевали за стены, заставили Мак Квестона снова ускорить свои шаги. Что же могло привести сюда слонов?

Внезапно пещера кончилась ведущим наружу отверстием. Мак Квестон очутился не больше чем в ста футах над одной из тех долин, которые он уже видел с вершины горы. Бросив свой факел, Мак Квестон стал спускаться вниз по извилистой, ненадежной тропе. Возбуждение в его груди все росло. Эта тропа тоже была проложена сло-

нами. Когда он приблизился ко дну долины, его чутье следопыта подсказало ему, что он попал в один из диких и девственных уголков земли, куда еще не ступала нога человека. Забытое место, место смерти... Мак Квестон почувствовал все это еще до того, как сделал свое конечное, невероятное открытие.

Прихотливые, сгрудившиеся скалы окаймляли дно долины, настолько узкое, что в него редко проникало солнце.

И то, что он сверху принял, благодаря тусклому свету, за хаотично разбросанные кругом массы остывшей лавы, внезапно предстало перед его пораженным взглядом, как груды побелевших костей. Да, не могло быть никакого сомнения! Слоновые кости и такие огромные, каких Мак Квестон никогда еще не видел. Они лежали раскинутые вдоль всего ущелья, насколько хватало взора; некоторые из них такие древние, что время успело уже источить их.

С губ Мак Квестона сорвался хриплый крик. Он едва верил глазам! Следуя какому-то смутному интуитивному внушению, он наткнулся наконец на то, что он так долго и упорно искал, на одно из тех легендарных мест, найти которые жаждет каждый охотник на слоновую кость, —

на кладбище слонов, одно из заповедных мест пустыни, куда с незапамятных времен приходили умирать тысячи поколений слонов. У его ног, доступное обладанию, всецело в его власти, лежало несметное сокровище слоновой кости! Неизвестное ни одному человеку! До него ни одна человеческая нога никогда не вступала на почву этой долины!

Не выдавая ничем бурлившего в нем волнения, Мак Квестон побрел вдоль долины, показываясь то тут, то там, перелезая через огромные холмы из скелетов. Но в его серых, выцветших от солнца глазах разгорался блеск, зажженный очарованием скрытого клада. Ему казалось, что он в зачарованном сне, которому не будет конца. Жара становилась невыносимой и воздух был заражен мириадами насекомых, по большей части слоновых мух. Он прокладывал себе дорогу, среди мощных бедренных костей, объемом в туловище человека, и пересекал длинные аркады из ребер в семь футов высоты и достаточно широкие, чтобы послужить остовам для примитивного людского жилища. Там были черепа, похожие на большие утесы, и разбросанные повсюду гигантские клыки, бесчисленные и превосходно сохранившиеся.

То тут, то там вглубь стен ущелья уходили пещеры, тоже наполненные костями. Мак Квестон все еще пробирался среди хаоса костей, когда вдруг ощутил близость какой-то опасности. Огромная тень заслонила солнце. Тотчас же воздух поколебало звучание словно медных труб и почва затряслась от приближения какого-то мощного существа.

Завопив в слепом ужасе, Мак Квестон поскользнулся и упал среди костей. В этот момент он увидел серую волсатую массу, поднимающуюся с земли и бросившуюся на него — дикого слона, с бешеными глазами и обломанным клыком! Это был Эль-Робо. Старый отщепенец в конце концов добрался до своего последнего убежища. Он лежал в нем семь часов и терпеливо ожидал конца, среди всех тех остальных, чьи скелеты были рассеяны кругом. Подобно упавшему в лесу дереву и всякому другому порождению природы, он ждал, чтобы солнце и земля, взяли его обратно. В этом было благородное величие, которого редко достигают люди. Туман смерти уже заволакивал его глаза, когда этот наглый пришелец, шаривший среди мертвых и дерзко нарушивший его предсмертный покой, вызвал в нем прилив яростного бешенства и он, грузно отдуваясь, поднялся на ноги.

Очевидно, Эль-Робо сам не знал, почему он это делает, а просто инстинктивно соблюдал древний нерушимый закон этого места погребения. Он был обречен и знал это. Смерть уже коснулась его, но он не мог покойно ожидать конца в присутствии этого ненавистного подглядывателя, бродившего между костями его сородичей. Он должен был собрать последние усилия...

Падение спасло Мак Квестона от немедленной смерти. Огромное животное мгновенно атаковало его с устрашающим страшным ревом разъяренного слона. Но в тот момент, когда оно наклонило свою могучую голову, чтобы раздавить его в бесформенную массу, охотник, поскользнувшись, свалился в промежуток между костями. Два огромных клыка вонзились среди костей, по обеим сторонам Мак Квестона, когда слон склонился на колени. Человек в отчаянии схватился за один из клыков и успел, увернувшись из под опускающегося на него хобота, скрыться за грудой костей и, укрываясь за ними, откатиться как можно дальше. Но в этот миг близости, его быстрый ум отметил, что животному оставалось жить не больше часа.

Несмотря на всю опасность Мак Квестон настолько сохранил присутствие духа, чтобы подобрать свое упавшее ружье. На расстоянии тридцати футов он обернулся и послал пулю в голову своего врага. — Но повидимому, она принесла не больше вреда, чем стрельба из пугача, — он приписал эту неудачу своим ослабевшим нервам. Эль-Робо вновь приближался к нему, потрясая узкую долину трубным возгласом, развевая огромные, как одеяло, уши, подняв кверху извивающийся змеей хобот и разрезая им воздух.

Мак Квестон побежал. Побежал в ужасе, спасая свою жизнь, так как слон неслся за ним, ничуть не ослабевая, в бешенстве подняв хвост, с налившимися кровью глазами.

Мак Квестон напряг все свои силы для этого ужасного бега. Сообразив, что слон загоняет его в кончавшийся тупиком конец долины, он попробовал размахивая руками, издать резкий вопль охотников на слонов: «Ахай!» «Ахай!» Но он с таким же успехом мог бы кричать на паровую машину, так как Эль-Робо никогда не знал страха перед людьми. Все преимущество Мак Квестона заключалось в подвижности. Он пытался прятаться в трещинах скал и об-

мануть чудовище, но оно вскоре обнаруживало его; маленькие, налитые кровью глаза старого слона, пылали беспощадным огнем и бросали вызов самой смерти.

Мак Квестон снова остановился и выстрелил. Слон зашатался, как покачнувшаяся скала, рухнул на колени, но снова поднялся, высоко взметнув вверх клыки и держа в хоботе ствол мертвого дерева, который он схватил в порыве злости, и размахивал им из стороны в сторону.

Мак Квестон опять пригнулся, пытаясь отодвинуть вперед предохранитель ружья для еще одного, последнего выстрела. Но предохранитель не двигался, так как он согнулся при последнем падении охотника. Мак Квестона охватило безрассудное чувство, будто судьба вступила тоетым, враждебным ему участником в эту смертельную борьбу. Это чувство парализовало его и стерло в его сознании все другие ощущения. Но Эль-Робо опять насти-

гал его, чтобы разможить свирепыми клыками его голову, пылая желанием растоптать в грязь ненавистного мародера.

Он промахнулся на этот раз не больше, чем на один фут и Мак Квестон едва не был раздавлен. Тогда с хладнокровием отчаяния он выскочил на открытое место и в несколько прыжков достиг низкой пещеры в скале. Он задумал, если только она окажется достаточно глубокой, укрыться в ней, пока слон не умрет или не уйдет отсюда. Лишь только он успел проскользнуть внутрь пещеры, как по его пятам послышался грохот почвы и туловище слона затемнило вход в его убежище.

Большой черный хобот вдвинулся в пещеру и ощупывал ее стены, пока человек в отчаянии метался из стороны в сторону, стремясь избежать его прикосновения. В эти жуткие мгновения Мак Квестон впервые познал тот страх, от которого в жилах стынет кровь и беспомощно цепенет все тело. Горячее дыхание слона, как порыв ветра, дуло ему прямо в лицо, а в трубном реве животного зазвучала новая нота, сверлящая и настойчивая: в миг своей крайней нужды Эль-Робо забыл долготелюю ненависть и призывал на помощь всех слонов в мире.

Этот потрясающий призыв пронесся по унылым степям и замер в тонком далеком эхо среди холмов. Потом Эль-Робо принялся раздирать и долбить клыками и пле-

чами низкое входное отверстие, наваливаясь на скалу всем грузом своего шеститонного веса. Земля и обломки скал посыпались вниз в облаках пыли. Большой утес оторвался и обрушился. Это то именно и спасло Мак Квестону жизнь, как он всегда утверждал в последующие годы: загородивший вход в пещеру утес оказался таким тяжелым, что даже Эль-Робо был не в силах сдвинуть его в сторону. Усилия слона постепенно ослабевали, пока наконец, полная тишина снова не воцарилась в ущельи.

Через несколько минут, а может быть и часов — ведь время неподвижно повисло над этим местом смерти — новый звук потревожил долину мертвецов, забытую всеми среди двух отрогов древнего вулкана. Это был приветный крик шести следопытов Мак Квестона при виде их начальника, поднимавшегося со дна долины к ним навстречу. Накануне днем они отыскиали следы Мак Квестона и пустились за ним; безошибочно, как ищейки, потому что они родились и выросли в стране слонов.

Мак Квестон промолчал о том, что произошло с ним в долине и в его поведении было что то, запрещавшее всякие расспросы. Он казался постаревшим на десять лет и у него было ощущение, что ему никогда вполне не оправиться от пережитого потрясения. Частица ледящего страха, как яд, осталась у него в крови и он понял, что навсегда покончил с Африкой.

В ВЫСЬ ПО ДЕРЕВЬЯМ. ЛАЗАНИЕ У ДИКИХ НАРОДОВ

Вдали от лихорадочно спешащей Европы, среди бесконечно голубых волн теплого моря, под веселым небом тропиков, лежат бесчисленные острова, поясом оцепившие экватор. Старые легенды о рае воскресают в памяти, когда видишь эту богатую природу, одаряющую здесь человека всем, что ему необходимо для жизни. Работа, как мы ее понимаем, там неизвестна. Труд ради хлеба насущного больше походит там на спорт и веселое времяпровождение, чем на настоящую работу.

Австралиец взбирается на дерево с помощью лианы.

В первую голову сюда относится лазанье по деревьям. Кокосовые пальмы являются не только отличительным признаком этих островов и побережий, но одновременно и основным предметом их вывоза. Вместе с соком вина для своих празднеств туземцы получают от пальм и другие блага. Особенно важна высушенная кора кокосового ореха, так наз., «копра», составляющая важное звено в местной торговле. Она служит для изготовления пальмового масла, сырья, которое идет на выработку взрывчатых веществ, мыла и маргарина. Кокосовые орехи дают возможность без особенного усилия приобрести кучу любимых украшений, напр., стеклянных бус, железных инструментов и табаку. Но одна работа все-таки нужна и здесь: приходится срывать орехи, а не ждать, пока они сами свалятся. Иначе они переспеют и будут сухими.

Лазанье по деревьям принадлежит к древнейшим искусствам человека. Чтобы добыть себе пищу и скрыться от диких зверей, первобытный человек должен был приобрести особую сноровку в лазании по деревьям, которая встречается и сейчас среди полудиких народов. Более дикие племена лазают таким образом: взбираясь на тонкие деревья, они прижимаются ногами (выемкой между пяткой и ступней) и как бы присасываются к коре. При объемистых стволах, это, конечно, невозможно; здесь больше всего играет роль ступня, на которую опирается вся тяжесть тела. Если дерево тонкое, то взбирающийся обхватывает его руками; если дело не идет, то в подмогу себе он берет какую-нибудь лиану, которую держит руками за два конца и, опираясь на ноги, отважно караб-

кается вверх по стволу. В тот момент, когда ноги продвигаются в высь, лазальщик толчками подбрасывает лиану кверху.

Туземцы Камеруна в Африке приладили на концах удобные ручки и свободно разгуливают в лесу по верхушкам деревьев. Еще удобнее устраивается негр из Лоанги к северу от устья реки Конго. У него веревка, большей частью состоит из крученного древесного лыка. Если нужно влезть на кокосовую пальму, то, подойдя ближе к стволу, он окружает его и свои плечи этим древесным ремнем, концы связывает, лежащую вокруг дерева часть петли поднимает вверх, плотно прижимается спиной к другой части петли за своими плечами и одновременно с этим упирается в ствол ступнями своих ног. В таком положении лазальщик без усилий взбирается наверх. Ему необходимо следить только за правильным передвижением своей петли. Почти всюду, где употребляются эти приемы лазанья, для облегчения делаются зарубки, особенно на тех деревьях, по которым приходится влезать часто. Тропический климат и особенности тропической растительности разрешают подобные повреждения, которые наши деревья едва бы перенесли. Лазанье на кокосовую пальму облегчается еще тем, что верхняя часть этих деревьев никогда не стоит прямо: могучая крона всегда наклоняет ствол дерева в одну сторону. Кокосовые орехи срезаются большим рубильным ножом и с головокружительной высоты летят на землю. И хотя пальмы достигают 20-ти и даже 30-ти метров высоты, при ударе об землю орех не раскалывается: настолько крепка его скорлупа. Конечно, такое лазанье значительно облегчается превосходными мускулами туземцев, не знающих обуви, и обладающих такими пальцами на ногах, которые способны хватать, как руки.

Однако, на юге о. Суматры сбор кокосовых орехов происходит другим порядком: тамошние малайцы находят куда более удобным предоставить такое лазанье обезьянам. В каждой деревне имеются хорошо выдрессированные обезьяны, которые по приказу своего хозяина с быстротой ветра взбираются наверх, перекусывают стебель ореха и только тогда слезают, когда вся пальма совершенно очищена.

Рассказ ЛЕСНИКА

Рисунки Колесникова.

На двенадцатом году моей жизни я начал охотиться, ворую для того ружье моего старшего брата, очень скоро попался на месте преступления, был судим семейным судом и получил строжайший выговор с указанием на всю гадость моего поступка. Впрочем, судьи, в том числе и моя мать, все до одного были страстные охотники. Они знали, что преступник, пошедший по этой дорожке, неисправим. Поэтому мне вручили в собственность ружье со всеми принадлежностями: охотиться, делать нечего, но не воровать.

Увы! Охота без собаки на уток однобока, а на болотную и лесную дичь хромает на обе ноги. И я подачками сманивал за собой Бокса, старого сеттера моего отца. Четвероногий плут делал вид, что он меня слушается, до тех пор, пока у меня оставались для него лакомства. Он шел со мной, отыскивал дичь и делал стойку. Но убедившись, что он все угощение съел и у меня больше ничего нет, уходил домой равнодушно и самостоятельно. Старый жулик на мою охоту смотрел сквозь пальцы: так — шалости, контрабанда.

Затем я покупал копеек за двадцать, нанимал за пятачки собак, подманивал бродячих. Случалось попадать на мародеров, нахально пожиравших убитую мною дичь. Один гордон, презренную рожу которого я ненавижу более сорока лет, почему-то усвоил вкус отгрызать только головы у моих уток. После выстрела исчезало все: нет ни утки, ни собаки. Прислушиваюсь: хруст и чавканье в трущобе... С опасностью жизни лезу туда через трясину, и на широкой кочке подлая морда облизывается над безголовой уткой!

Что делать? Приходилось якшаться с позорнейшими подонками собачьих пород. Они умели чутать, по ним можно было хоть кое-как подготовиться к взлету дичи, а шататься вслепую уж очень тяжело.

Из множества случайных собак, с которыми я охотился всю юность, подавляющее большинство годилось только на виселицу, но немногие из них не лишены были некоторых достоинств. Среди них Кронид, беспородный песик, слегка напоминавший обликом пойнера, явился яркой личностью, определившей мое собачье мировоззрение.

Крониду я купил за сорок пять копеек у пьяницы-охотника, который бил его чем попало, за что попало и даже ни за что, и, конечно, вовсе не кормил. В избушке, где я жил на охоте, Кронид получил соломенный матрасик, обильный корм, и никто его не ударил. Казалось бы, не житье, а рай. Кронид убежал, как только я оставил его одного. Часа через два тот же охотник, качаясь и хихикая, предлагал мне купить собачку.

- Да ведь это Кронид?
- Правильно. Кронька, он самый.
- Так я же его купил?

— В-верно. Только он, значит, убежавши опять ко мне и, значит, мой.

— Сколько же за него?

— Полтинничек. Да еще тогда пятачка не достало... За вами, значит, хи, хи!

Я заплатил. Кронид дня три отлично исполнял свои охотничьи обязанности, затем исчез. Пьяница опять привел его и опять продал. Вот нашел дурака! Что ж, у меня фабрика полтинников, что ли? И обиднее всего: что за сласть Кронидке там, у пропойцы, где быют и не кормят.

Я не спускал глаз с доброго, очень послушного песика и скоро подсмотрел разгадку его исчезновения. Заслышав протяжный, сильный свист, несшийся откуда-то с огородов, Кронид бросал даже чашку с кормом, убежал и пропадал. Какой смысл его бить и... за что?

Я заплатил еще полтинник и занялся Кронидом. Я гладил, кормил его, поминутно называл по имени, играл, возился с ним, твердя все время: Кронид, Кронид, Кронид. Он лежал на солнце перед избушкой, когда раздался призывный свист, и уже вскочил, собираясь бежать, но я высунул из окошка и закричал:

— Куда, Кронид? Назад, Кронид!

Он дрожал, поглядывая в сторону свиста. Я убежал к нему, приласкал его, поддержал его колеблющуюся темную волю. Он остался.

Власть свистка над ним кончилась, прекратилось и выманивание полтинников, но мне этого уже было мало. Я призвал бывшего хозяина моей собаки и предложил подойти вплоть, свистать, звать как угодно, и когда Кронид пошел было на зов, я только сказал:

— Кронид, ко мне, домой, Кронид!

Он вернулся, виновато виляя хвостом, к моим ногам. Пьяница с ругательствами ушел, заявив, что Кронька от рук отбился. Он был мой.

Порядочная лягавая собака должна преимущественно только отыскивать дичь, в виде некоторой уступки разрешается ей и подавать дичь, но зайца даже замечать она не имеет права: заяц — дело гончих. Кронид незаконно и очень мило совмещал достоинства всех пород. Он чрезвычайно уродливо стоял над дупелем, добросовестно ловил подбитую утку и настойчивым и мерным лаем гнал зайца. При мягком его характере мне такая разносторонняя талантливость очень нравилась, и несомненно, что мы проохотились бы вместе ряд весьма приятных лет, если бы в первую же после нашего знакомства зиму милейшего песика не съели волки.

Я пожалел его искренно, тем более, что встал перед задачей: мне необходима моя собственная настоящая серьезная собака. К тому времени мне шел уже девятнадцатый год, я надел студенческую фуражку и охотничью науку я знал много лучше тех, которые

были прописаны в моем аттестате зрелости. На этих основаниях один старый охотник удостоил меня чести подарить мне щенка из ожидавшегося потомства его знаменитой Дианы.

Если бы изучению юридических наук, для чего я записался в университет, я посвятил столько забот, хлопот, внимания и труда, сколько отдал воспитанию своего щенка, то несомненно я сделался бы весьма замечательным законоведом. Но судьба оставила меня при собаках.

Мой Дик, родившийся в самом начале весны, рос в самых благоприятных условиях: все время на ярком солнце среди густой травы. Я приготовлял для него тщательно отсеянную костяную муку, кормил его свежими сырыми яйцами, растирая их скорлупу в порошок, варил для него морковь.

— Глупостями занимаетесь, — ворчал иногда старый охотник, — яйцами собак не кормят. Куриного вора готовите.

Нет, мой Дик никогда ничего не украл, а что мое кормление не было глупостями, стало очевидным очень скоро. Дик живо перерос всех своих братьев и сестер, шутя отшвыривал их от чашки с кормом и первый уморительно залаял басом, когда те еще только пищали.

Богатырь, красавец, умница мой Дик на болоте оказался дурак-дураком. Он взял сунутого ему в рот еще теплого дупеля и весело понес его за мной, как тряпку. Никаких чувств!

— На осину, — злорадно сказал старый охотник, когда я с ужасом поведал ему о первом выступлении Дика, — вырастили по-ученому орясину. Позор для всего рода моей Дианы.

— В цирке можете свою собачку показывать, — ехидно утешали меня другие, — большие деньги составите.

Действительно, Дик по моему знаку мог снять шляпу с кого угодно. Он отлично изображал, как собака с отвращением отказывается от лакомства, предлагаемого старухой (из левой руки), и радостно хватается тот же кусок, если сказать, что он от молодой красавицы (правая рука). Дик устраивал целые представления, показывая, как собака лежит мертвой, хотя муха вьется около ее уха, а осы жужжат у ее носа этак: дзынь-дзынь. Приходит даже бык и собаку рогом в бок тык — нет, издохла собака. Вдруг является волк и собаку за хвост толк... Ну, тут собака вскакивает с веселым лаем!

Из скромности я умалчиваю о том, кто исполнял ответственные роли мух, быка и волка; зрители же всегда с восторгом приветствовали главного актера, выносившего на плечах всю пьесу.

За зиму Дик окончательно сложился и окреп, совершенствуясь в науках.

Он отыскивал и приносил щетку, которой вычесывали его шерсть и, толкая в колени головой, так настойчиво, так ясно и умно смотрел, что ни у кого не хватало духа отказать такой милой собаке в ее просьбе: все брали щетку и гладили ею Дика. И короткая гладкая шерсть его всегда блестела как шелк. Дав Дик в рот бумажку, я говорил:

— Снеси письмо маме!

Он ходил за ней, тыкаясь холодным носом в руки, до тех пор, пока она не брала бумажку. Иногда, наоборот, я кричал:

— Дик, принеси записку!

Он опрометью кидался к маме и не успокаивался, пока не получал бумажки.

— Дрянь у меня собака, — говорил я мрачно. —

Тьфу! Вот какая собака... Повешу я собаку, прогоню, продам собаку... У, у, у!

И я был с самым печальным видом. Дик смотрел на меня, недоумевающая... Это повторялось очень часто и довольно долго.

— Будет выть, — уговаривали меня домашние, — повыл и будет: надоело. У собственной собаки хлеба отбиваешь.

И вот, однажды, едва я завел похоронную волюнку о продаже подлой собаки, Дик жалобно взвыл. Я расцеловал его, накормил всякими лакомствами и сплясал с ним пляску диких, что доставляло ему величайшее наслаждение. С тех пор номер с вытьем над продажей собаки проходил без осечки и неподготовленных зрителей ошарашивал наповал.

Однако, в поле Дик продолжал держать себя как болван. Гремящий трепет тетеревиного взлета не производил на него никакого впечатления. Утка, запах которой, по словам охотников, так горяч, что перебивает у собаки чутье к более благородной дичи, утка ни живая, ни мертвая ничуть не волновала Дика.

Со стыдом, с отвращением я нанимал тайком всяких подозрительных личностей собачьего рода, брал на охоту заведомых воришек, бродяг и бездельников. Что же скрывать? Я был с ними груб... Ходи тут с разной дрянью, а мой чудесный Дик, разве только говорить не умеющий, занят тем, что подает поноску уличным мальчишкам. Это была его страсть, род сумасшествия, худший его порок, от которого отучить его не удалось, и который давал столько поводов для насмешек!

Я страдал глубоко, тайно. Уже завелась некая Леди, светло-шоколадная собачка, нанятая случайно... Она по болоту неслась так, что за ней надо было бежать, неслась без стойки, невежественно размахивая хвостом, но, приближаясь к бекасу, она очень выразительно оглядывалась, как бы говоря: «вот, вот он тут!» В этом была своеобразная прелесть, и я... и Леди... и мы с ней... Ну, словом, — этакий стыд! — шли переговоры о приобретении Леди в мою собственность, да, да!

С Диком я купался, гулял. Картина, а не собака! Но червяк обманутых надежд точил мне сердце: балаганный пес, не способный на благородные охотничьи чувства. В глубине моей души загнездилась глухая неприязнь... На закате жаркого июльского дня я (вернувшись с утренней охоты... О, Леди!) безнадежно гулял с Диком под деревней и, направляясь домой, по привычке свистнул. К удивлению, Дика в тот же миг у ноги не оказалось, тогда я оглянулся и застыл... Дик стоял на стойке. Я, затаив дыхание, подошел к нему: сомнений нет. Он мелкой, напряженной дрожью дрожал от головы до кончика хвоста, как-то позеленевшие глаза его блестя, ноздри жадно втягивали воздух. Я проследил направление его пылающих глаз... В полузакрытой скошенными стеблями ямке, смешно приподняв короткий носик и, видимо, ничуть не подозревая висевшей над ним гибели, спокойно сидел перепел.

Сам замирая от смутного волнения, я огладил Дика, успокоил его, отозвал и побежал с ним домой, там схватил ружье и вернулся на то же место. Тот ли перепел продолжал сидеть в своей ямке, подвернулся ли другой, я не знаю, но Дик отчетливо, по всем охотничьим законам повел, сделал стойку и по приказу «пиль!» шагнул вперед. Перепел вылетел, упал убитый, и над ним, над мертвым, опять дрожа стал Дик.

Болван, циркач, балаганный пес, весь позор, все муки, все отлетело в прошлое. Налицо была во всем

великолепии могучая охотничья собака. Какая дверца внезапно открылась в сознании Дика? Откуда вдруг налетела волна страсти, потрясшей все его существо? Где, почему таились три года бесконечно давно врожденные собаке охотничьи чувства? И почему дремавшую страсть пробудила ничтожная пичужка в сухой ямке жнивья?

Все это собачьи тайны.

После происшествия с перепелом Дик повел себя так, как будто он всю свою жизнь только и делал, что охотился. И он всех их видел, всех знал, со всеми их уловками и хитростями имел дело, — так он за них принялся, старый опытный пес.

По тем выкрутасам, какие выделявали задние лапы Дика, я видел, что из кочек болота не бекас,

лась в воду, и было видно, как слегка шевелятся красные лапы, но едва подплыл к нему Дик, селезень нырнул. В то же мгновение исчез и Дик. Я в ужасе смотрел на круги, расходившиеся по зеркалу воды. Утонула собака? И что предпринять? Проклятый селезень, и что за несчастная мысль стрелять над озером...

Вдруг из зеркала, ясно освещенного розовым закатом, с плеском вынырнула голова Дика с селезнем в зубах и, осмотревшись, с фырканием поплыла к берегу. Э, нет, утки-селезни, от такой собачки, которая ныряет, вам никак не уйти! И когда Дик, встряхнувшись, положил селезня к моим ногам, мы, расцеловавшись, тут же сплясали пляску диких и не по-домашнему, т.-е. щадя окружающие предметы,

В тоже мгновение исчез и Дик.

сверкая брюшком, вырвется с веселым чмокающим криком, а вылетит, степенно зашелестев крыльями, задумчивый серый дупель. Утки Дика не разгорячили как-то там особенно, ничуть не нарушили его чутья. Обеспечившись двумя, тремя криками, мы непосредственно шли искать тетеревей, и — пожалуйста, хоть за деньги нас показывайте: так все делалось точно, отчетливо, мастерски. Если мне случалось стрелять по высоко летящей утиной стае и Дик после выстрела кидался куда-то бежать, я садился и спокойно ждал, что он принесет мне утку: значит, я попал, хотя думал, что промахнулся. Он видел много лучше меня. И куда он бегал за улетевшей стаей? Для утки, подбитой явно, спасение было немыслимо, он настигал ее непременно.

Как? Случайно мне удалось увидеть. Я сшиб красавца-селезня, летевшего высоко над чистым озером. Он упал на спину, голова его, запрокинувшись, окуну-

а по-настоящему, так, как, надо полагать, плясал ее первобытный человек, едва успевший подружиться с волком.

После того, как Дик «пошел», для меня отпала необходимость в самой тяжелой черной работе. Для чего мне лезть по трясине, по кочкам кругом лужи? И лазить по зарослям, шарить по кустам я не желаю, вытаптывать по всем направлениям болото не мое дело. Я останавливаюсь на краю и говорю своей собаке:

— Ну-ка, брат Дик, поищи, осмотри, какие они там такие сидят, а? Шутни-ка их сюда?

Я не знаю, конечно, в каком виде эти или приблизительно такие слова входили в сознание Дика, но что он их в точности исполнял — это вне какого бы то ни было сомнения.

Дик шел, куда я указывал, вынюхивал, высматривал и, весело помахивая хвостом, пробегал туда и сюда, как бы говоря своим беззаботным видом:

— Смотри, пусто, тут никого нет, никакой осторожности не требуется!

А если кто-нибудь тут есть?

Тогда он показывал это по-разному. В тумане утренней зари на ягоднике, осыпанном росой, Дик неожиданно замер на стойке, сгорбился как-будто в ужасе, и вся шерсть его поднялась дыбом. На медведя напоролся, что ли? Вдруг: бу, бу, бу! С громовым треском взорвался глухарь. Птичка тоже... Весит чуть ли не полпуда и летит пулей! Это какое угодно воображение взволнует, всякую прическу испортит.

От простой работы Дик без всякого усилия шагнул к вершинам охотничьего искусства собаки.

Промотавшись значительную часть утра в поисках тетеревиного выводка и убедившись, что он переместился, я прилег под кустом и с некоторой досадой сказал Дику, что я устал, он же не собака, достойная уважения, а негодная ни на что свинья. Такое запутанное ругательство он, очевидно, не мог понять и, не опасаясь, что я его обидел, я стал сладко дремать под шумок старых сосен. Вдруг чувствую, что холодный нос Дика тычется мне в лицо. И лизаться лезет, свинья... Да пошел вон, что за нежности собачьи? Он отступает, бежит в лес, видимо, беспокоится, возвращается и опять лезет с нежностями. Ну, что привязался, чего тебе нужно? Видя, что я встал, он, радостно размахивая хвостом, бежит, но останавливается и смотрит, иду ли я за ним... Ах, вот что! Тогда уже я понимаю, беру ружье, мы идем, находим выводок, громим его и, набив сетку молодыми тетеревами, пляшем нашу любимую пляску.

Слава о необыкновенной, удивительной собаке разнеслась скоро и широко. Всех наших завистников и врагов, когда-то промывавших кости балаганному псу, мы стерли в порошок. После многих изумительных подвигов твердо было установлено, что где прошел Дик, так искать более нечего и, наоборот, Дик может найти многое после разных этаких чистоплюев, имеющих дипломы и медали.

Увидев, как Дик «разделявал» болото, а я, стоя на краю, только показывал пальцем, куда итти, один заезжий барин в восхищении предложил мне за Дика сто рублей. Для студента, не знавшего, на какие средства добраться до университета, это была огромная сумма.

— Дрянь у меня собака, — сказал я, злобно смотря на Дика. — Тыфу, собака... Повешу я собаку, прогону, продам собаку!

В ответ раздался протяжный вой...

— Да это что же такое? — в недоумении проговорил заезжий богач, — он все понимает... Я двести за него дам. Идет?

— А если он с вас шляпу снимет, дадите триста?

— Пятьсот дам... Не может быть, не достанет...

— Эй, Дик!

И я сделал условный знак. Дик прыгнул и снял шляпу с очень высокого барина, который долго не хотел понять, как это нищий студент может не продать собаку за бешеные деньги.

А нам с Диком, что нам деньги? Мы лучше спляшем...

Мало ли еще ждет нас каких-нибудь этаких необыкновенных случаев в жизни!

К тому времени, как молодые утки начинали летать, мы переселялись из городишка в деревню, в крошечную избушку. У нас обоих постелями служили матросы из одного и того же холста, набитые одной соломой. Лазая за утками, мы оба одинаково пачкались — до ушей. Когда мы приходили домой, я умывался, а Дик вылизывался, — тут замечалась

некоторая разница. Затем мы ложились спать и, едва потушив свечку, я чувствовал, как около меня, чуть шурша, осторожно становились лапы...

— Ты здесь зачем?

Свечка вспыхивает, но около меня никого нет, на маленьком же матрасике лежит очень умная собака и чуть-чуть похлопывает кончиком хвоста.

— Грязная псина, — говорю я, сдерживая смех, — не смей сюда лазить... Ведь у тебя такой же матрас.

Я тушу свечку, и в тот же миг около меня осторожное шуршанье — псина опять здесь. Я не могу рассердиться и приказать серьезно... Негодай это чувствует... Сколько раз я ни зажигал бы свечку, дело кончается всегда одинаково: мне надоедает эта гоньба, я засыпаю, и негодяй всю ночь спит около меня. Утром он бел и чист без всякого умывания, но моя простыня вся в болотных узорах.

— Смотри, свинья, — говорю я с досадой, — видишь, что наделал? Право, свинья.

Свинья виновато болтает хвостом. Не драться же за такие проказы.

В городском доме Дику, повидимому, в голову даже не приходило забраться на непринадлежащую ему постель.

Дик меня любил, когда был комнатной собачкой и балаганным псом. Но после того, как мы с ним прошли по озерам, лесам и болотам, детская любовь Дика перешла в ничем непоколебимое обожание. Спал ли я или только притворялся, что сплю, вход в мою комнату был воспрещен всем, кроме моей матери. Остальным показывались зубы, — великолепные сверкающие зубы. Огромный пес лежал у порога смиренно, даже не рычал, он только показывал зубы — желание переступить порог пропадало у всех.

Вся дичь везде, по убеждению Дика, принадлежала мне. Поэтому, с кем бы я ни охотился, Дик немедленно отнимал птицу, убитую из-под другой собаки, задавая ей еще иногда при этом трепку, и приносил дичь мне. Я пробовал отучить его от такого взгляда, он отказался повиноваться. В остальном моя воля была для него высший закон. Не требовалось ни криков, ни угроз, ни пронзительных свистков... Он шалил, повесничал, в особенности, когда мы только-что выходили из дома. Когда мне надоедала эта беготня или на потеху зрителей, я срывал тоненький прутик и показывал его Дику:

— Видишь? Вот я тебя, повеса, ты у меня пошляйся! — Он шел тогда точно привязанный к моим сапогам до тех пор, пока не падал прутик, прицепленный к моему поясу.

Ах, негодяй, ах, шут гороховый! Он в жизни своей не получил ни одного удара и с прутиком просто паясничал. Или тысячи лет побоев его предкам, бессознательной мукой отозвавшись в его памяти, сковывали его волю при виде руки, берущей оружие истязания?

Мучился он недолго: как только я ронял или бросал страшный прутик, Дик опять беззаботно бежал повесничать... Впрочем, воспоминания человека о том, что было тысячи лет назад, так же легки, мимолетны, почти неуловимы.

На охоте даже чужой крик меня раздражал, я всегда говорил тихо, иногда шептал, показывал пальцем, — Дик шел и исполнял приказание. Он покорно и неустрашимо обыскивал самые дикие, непролазные трушобы, он без колебания погружался в ледяную грязь. Я не сомневался, что если бы потребовалось, Дик по одному моему слову прыгнул бы в огненную бездну. За что такая любовь, такая преданность? Не за кусок же хлеба и не за то, что

я его не бил, я стал солнцем его жизни. Ведь не мог же он знать, что я его ни за что не продам?

В Петербурге, где я проводил большую часть зимы, я Дика держать не мог никак и оставлял его в провинции у матери. За два-три дня до отъезда моего оттуда при появлении первого чемодана Дик начинал ходить за мной неотступно, не спуская с меня глаз, и вздыхал.

— На вас смотреть мука, — жаловалась мама, — взгляды, стоны... Уезжай скорей!

Он носил за мной мои вещи, если я брал от него одну, он немедленно приносил другую, слюнявя их

до головы, против этого напрасно было спорить, и я не без удовольствия покорялся.

— Ну, становись драться, собака, — говорил я, раздеваясь до рубашки, — иди, жри своего хозяина, доказывай, что ты зверь!

Он кидался на меня с восторженным оглушительным лаем, зверски рычал, хватал меня за что попало сверкающими челюстями, не причиняя никогда признака боли. Я толкал его, колотил изо всей силы кулаками по спине и бокам, что, видимо, доставляло ему большое удовольствие... В самый разгар возни я кричал:

...зверски рычал, хватал меня за что попало...

немилосердно; потом ему уже давали платок или полотенце, он так и ходил с тряпкой во рту весь день.

Тайну моего исчезновения он, конечно, понять не мог, несколько дней после моего отъезда вздыхал и пищал, затем вдруг чрезмерно успокаивался, чтобы не сказать — опускался. Все время моего отсутствия он скучал, все спал, мало ел, штуки показывал вяло и не все. Однажды мама пошутила, всунув ему в рот известное письмо ко мне... Он носил, носил его, видимо, усиливаясь понять, что ему делать, и горестно заснул на своем матрасе с бумажкой во рту... Больше этой шутки не повторяли: так он был жалок.

Разлука была тяжела, но встречи наши восхитительны... При моем появлении весь дом наполнялся громовым радостным лаем. Меня Дик слюнявил с ног

— Ложись зайцем! — Он мгновенно укладывался русачьей лежкой, т. е. подогнув под себя лапы и держа высоко голову.

— Совсем ложись! — Он валился на бок.

— Совсем, совсем ложись... Телятиной валяйся! — Он раскидывал в стороны лапы, клал голову ухом на пол и, хлопая хвостом, весело посматривал на меня: больше он при всем желании никак не мог лечь.

— В цирк, в цирк обоих! — кричала мама, смеясь до слез, — странствующие артисты какие-то, клоуны... Уходите, сил больше нет!

Я в изнеможении шел умываться, а Дик — на свой матрас не очень довольный: он в эту игру мог играть сколько и когда угодно.

Представлений мы давали много, но на охоте не шутили и плясали редко, лишь в чрезвычайных слу-

чаях. С возрастом Дик не утратил ни добродушия, ни веселости, только задривок у него стал как у откормленного теленка. На десятом году жизни Дика я получил известие, что его укусила случайно забежавшая собаченка, и в виду несомненных признаков бешенства Дика пришлось усыпить. Я не стыжусь признаться, что плакал над этим письмом...

Прощай, мой милый верный друг. Твой облик безукоризненно чист в моей памяти, на нем нет ни малейшей черной точки неблагодарности, ни мимолетной тени подлости, предательства, обмана. Про многих ли из людей можно это сказать?

Прощай, Дик. Твой ум в каких-то темных извилинах мозга, в каких-то тайниках жизни, повидимому, граничил с умом человека, но верность и преданность твои были несомненно собачьи: в этом их высшая похвала.

Дик исчез. А жизнь шла и, кидая меня туда и сюда, продолжала манить от серой обыденщины в тот странный яркий мир, где чувства человека слабы, где без помощи собаки он справиться не может. На смену Дика, не заменив его, явились другие собаки. Их было много, все хуже его: не стоит о них и говорить.

Лесник.

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ АМЕРИКИ

Дикий народ эти ковбои, парни, в которых сам чорт сидит! Это бесстрашные и смелые ездоки, а отвага их и выносливость не имеет границ. Вы найдете среди них авантюристов, любителей приключений, разбойников с большой дороги, конокрадов, ожидающих удобного случая, но вместе с тем и людей с образованием, прогоревших богачей, словом, людей всех стран и положений, которым терять уже нечего и которые всякой опасности смотрят в глаза.

Когда бродячие охотники, трапперы, хорошо изучили огромные степи Соединенных Штатов, то следом за ними двинулись сюда на Запад и скотоводы. Их огромные стада даже зимой сами выскивали себе корм.

Обязанностью ковбоя, наряду с другими работами, состоит в охране стад. Обезд стада летом — довольно приятная работа, но зато в холодную зиму — это нечто отвратительное.

Живописный костюм ковбоя состоит из широкополой шляпы, цветной фланелевой рубахи и галстука, а также пары отделанных мехом брюк. Могучий револьвер заканчивает костюм. «Шестизарядный» играет громадную роль. Очень уж слабо держались пули этих тертых калачей, у которых острые черты лица явно свидетельствуют о больших трудах и лишениях. И в самом деле, раз люди с утра до вечера сидят в седле, то каждый свободный час они хотят использовать для развлечений, как они их понимают. А выпивший ковбой личность опасная. Стрельбой по шляпе или каблукам своего собрата он вознаграждает себя за изнурительную и долгую работу на своем «ранчо». Зачастую идет в ход оружие и во время споров. Недремающий револьвер всегда добивается желаемого впечатления, но работа его наиболее чувствительно сказывается для хозяина трактира в продырявленной домашней утвари и расколоченных окнах.

Если ковбой в «самозащите», как он обычно выражается, отправит на тот свет одного или нескольких из своих товарищей, то он получает название «дурного», и каждый, кто теперь приближается к нему, уже держит ухо востро. Ведь в любой момент может возникнуть перепалка, ибо близкие убитого только и ждут случая, чтобы отправить убийцу в те же вечные края. «Дурных» боятся и обращаются с ними в высшей степени предупредительно.

Долголетним упражнением ковбой добился сказочной ловкости в метании лассо. Если бык не слушается или его необходимо разлучить со стадом, в оборот пускается лассо. Брошенная с поразительной ловкостью петля летит и обвивается вокруг задних ног животного, а в нужный момент лошадь твердо упирается передними ногами в землю, седок чувствует упор и удачным поворотом кося валит быка.

Годовые телята (большая часть в апреле) доставляют ковбою самую трудную, но и самую приятную работу. Задолго до намеченного срока вся упряжь внимательно осматривается и исправляется. Весело, со смехом и грубыми шутками, сгоняют они в стада попадающихся на их пути животных. Еще не пригодные для продажи телки и бычки сортируются и отмечаются каленым клеймом стада. Выжигание клейма требует много терпения, так как молодые животные отчаянно сопротивляются. Одному тут не справиться: животное осиливают вдвоем или втроем.

На молодых и еще необъезженных лошадях ковбои проявляют все свое изумительное мастерство верховой езды. Они завязывают лошади глаза, туго притягивают седло и затем быстро вскакивают в него. В правой руке короткая плеть, в левой слабо опущенные удила: так хладнокровно дожидаются они бешеных сопротивлений

упрямого животного. Лошадь неистовствует, она встает на дыбы и отчаянными, злобными усилиями старается освободить себя от неудобной ноши. Низко, между передними ногами держит она голову, горбит спину, прыгает то вперед, то назад, упирается, дико выбрасывает задние ноги. Но ездоки этим нисколько не смущены и держатся в седле до тех пор, пока лошадь не покорится своей судьбе.

Я объезжал диких лошадей и должен признаться, что хотя я и считаюсь хорошим ездоком, но этого рода спортом я быстро насытился.

Ковбой-укротитель

Если у владельца «ранчо», много молодых лошадей, то он содержит особого ковбоя, занятого только их обездой. Но и после этого лошади не отличаются своим послушанием.

Ранчо, загнавшие вглубь страны индейцев, теперь, в свою очередь, уступают место фермерам и земледельцам. Леса исчезают, степи заселяются и все меньше и меньше становится ковбоев, этих «королей Запада», волнующих пылкое воображение своей железной волей и неукротимой отвагой. Обширные прерии плуг превращает в хлебные поля, где отважным ездоком делать уже нечего. А зачастую выселяются и огромные каменные города там, где некогда бродил индеец, уступивший свои охотничьи угодья трапперам; трапперы, в свою очередь, уступили дорогу скотоводам и земледельцам, которых часто сгоняет с места уже высокая фабричная труба.

БУХТА СТРАХА

Рассказ Х. ТРИСТРАМ.

I.

Под палящими лучами солнца спокойно подремывала маленькая бухта Одугрей. Ни одна морщинка не пробегала по ясной, прозрачной поверхности вод.

Андрю Манеринг сидела на веранде, упиваясь окружающей ее красотой: вокруг все цвело и благоухало; яркие, причудливые экзотические цвета создавали какую-то волшебную феерию. Низко над водой склонялись ветви, отягченные крупными алыми цветами, словно горящими факелами. Ей стоило только протянуть руку, чтобы прикоснуться к этим великолепным растениям.

И, несмотря на всю восхитительность окружающей природы, чувствовалось в атмосфере нечто волнующее, неприятное, неосознанно-жуткое. Окружающая красота казалась зачарованной медузой.

Из бэнгалуу вышел мужчина, высокий, стройный, красивый. Несколько нездоровая бледность, признак долгого пребывания на восточном побережье, покрывала его лицо.

И когда он усаживался в кресло около жены, во всех его движениях замечалась вялость и какая-то напряженная озабоченность.

Джон Манеринг нес обязанности торгового представителя на побережье в течение пятнадцати лет, но в этих местах он был впервые и эта чуждая обстановка скверно действовала на его нервы. Он был на пути в Камерун, когда получил каблогранму от своей фирмы, направляющую его в Одугрей, в одну из маленьких бухт, где находилась их станция.

Фирма со свойственной телеграмме лаконичностью сообщала, что прежний агент неожиданно умер. Требовалось срочно принять дела. «Следуйте немедленно!»

Джону Манерингу эта перемена мало улыбалась. Он только что женился, молодая жена была при нем и ему не хотелось вести ее в совершенно незнакомое место, где все было ново и чуждо.

Но когда по утру они сошли с парохода и переправились на баркасе на берег, в свое новое обиталище, где они должны были пробыть лишь несколько месяцев, все их прежние опасения рассеялись при виде этого очаровательного уголка.

Вначале все их восхищало и радовало. Первая тучка набежала, когда Манеринг, несмотря на все старания, не мог найти ни одного боя, который бы согласился нести обязанности домашнего слуги в бэнгалуу. В это утро он нарочно отправился в торговые склады, на расстоянии одной мили от дома, надеясь там хотя бы и за очень высокую плату найти слугу. Но даже и эти заманчивые условия не действовали. Все, словно сговорившись, отвечали одно и то же на ломаном жаргоне побережья: «Мы не согласны работать там. Эта бухта полна дьяволов!»

Джон вначале смеялся, но после целого ряда аналогичных ответов впал в уныние, несмотря на бодрое настроение Андрю.

— О, Джон, мой дорогой! Как они глупы и смешны! Ну разве возможно, чтобы нечисть водилась в таком прекрасном месте. Оно похоже на сад Эдема.

— Ты не забывай, милая, что здесь на каждом шагу змеи! — ответил повеселевший от ее слов Джон, и оба они рассмеялись.

К трем часам им посчастливилось, наконец, договориться с тремя боями, которые соглашались работать в бэнгалуу пока светло, но ни один из них ни за какие деньги не соглашался оставаться после заката солнца.

Распаковавшись и разобравши вещи, они кое-как устроились в своем новом жилище.

— О чем ты задумалась, Андрю? — спросил Манеринг, усаживаясь по окончании хлопот рядом с женой на веранде.

Она нервно пересела.

— Я не знаю, Джон, но меня очень интересует вопрос, какого сорта эти дьяволы?

Манеринг улыбнулся.

— О, дорогая, мы не должны придавать никакого значения глупым словам туземцев. Если бы ты прожила здесь также долго, как я, то прекрасно бы знала, что в Африке всякая вещь одержима либо добрым, либо злым духом. Если в нашей бухте плохая рыбная ловля, этого уже достаточно для появления на сцену дьяволов.

Андрю недоверчиво покачала головой.

— Я не знаю, Джон, но мне кажется, что-то такое есть в словах туземцев... Разве ты сам не чувствуешь? Неужели ты не ощущаешь здесь какого-то непонятного страха? — проговорила она подавленным тоном.

Манеринг взглянул на жену.

— Она тоже почувствовала! — подумал он про себя с тревогой, хотя и ответил с беззаботной шутливостью:

— О, моя милая, маленькая девочка! Какие глупости она говорит! Этот вздор, эти больные мысли не должны смущать хорошенькую головку. — Он нежно обнял жену и увел ее с веранды в дом.

II.

В этот вечер, около половины шестого, Андрю и Джон мирно прогуливались вокруг бэнгалуу. Вдруг их внимание привлек шум мотора и треск ломаемого кустарника в направлении узкой тропинки, ведущей к дому. Через минуту перед ними предстал и сам разрушитель. Это был молодой человек и, видимо, очень энергичный.

Он приветствовал их задорно весело, помахивая широкополой шляпой.

— Я — Мик Шанон, ваш ближайший сосед! Услышав сегодня утром о вашем приезде, я немедленно направился сюда предложить свои услуги. Чему могу быть полезен?

— Благодарю вас, это очень любезно с вашей стороны. Имею честь представиться — Манеринг, а это моя жена! — проговорил Джон.

Молодой ирландец поклонился Андрю и на его цветущем лице появилась восторженная улыбка.

— О, как приятно встретиться с вами, м-с Манеринг. Вы первая лэди, которая появляется в здешних местах! — говорил он, не выпуская ее руки.

И Андрю и ее муж с первого же взгляда почувствовали особое расположение к этому приятному, веселому юноше.

— Пройдем в дом чем-нибудь освежиться! — проговорил Джон, подхватывая его под руку и увлекая на веранду.

Поболтав немного, Андрю под предлогом необходимости переменить туалет удалилась. Слуги зажгли лампы, хотя темнота только что наступила, и накрыли холодный ужин.

Мужчины вели оживленную беседу.

Манеринг поделился с гостем теми затруднениями, которые ему пришлось встретить в поисках слуг.

— О, да! Эта история здесь вечно повторяется. Они боятся Джу-Джу, который, по их словам, обитает в бухте.

— Да, кстати, какая причина смерти моего предшественника, м-ра Гаттона? — вдруг неожиданно спросил Манеринг.

Шанон сдвинул в угол рта трубку и бросил на него вопросительный взгляд.

— Какая причина? Да разве она вам неизвестна?

Манеринг схватил его за руку.

— Мой дорогой друг, если бы я знал, то не стал бы вас спрашивать. Все, что мне известно, это то, что Гаттон умер внезапно и меня фирма направила сюда, временно, до прибытия нового агента. На основании одной только телеграммы трудно делать какие-либо дальнейшие заключения.

Шанон, прежде чем ответить, вынул трубку и положил ее на стол.

— Ну, если так, то, пожалуй, будет лучше, если я сообщу вам некоторые подробности.

— Дик Гаттон в припадке безумия бросился в бухту и погиб. Причиной этого врачи считают спиртные излишества. Тело Дика найдено не было.

Джон Манеринг нервно придвинулся к свету и пристально посмотрел на говорившего.

— Но на каком же основании вы не доверяете мнению врачей?

Ирландец на минуту призадумался.

— На очень простом: я прекрасно знал Дика. Он, правда, не был трезвенником, но никогда не позволял себе никаких излишеств. В течение последних шести месяцев я был постоянным его посетителем, но не замечал за ним этого порока. Последний раз я видел его накануне смерти и он был воздержан, как всегда. Не станете же вы утверждать, что в течение суток человек мог настолько

изменить свои привычки, чтобы напиться до белого каления и броситься в бухту?..

Манеринг покачал головой.

— Я не утверждаю этого. Но что же другое можно предполагать? Ведь даже тело не нашли?

— Да, но к моменту происшествия у Гаттона был слугой некий Кру. Он был не из здешних мест, а потому не придерживался ни обрядов, ни верований здешних туземцев; он не верил в дьявола и потому оставался в бэнгалу на ночь. На основании исключительно его показаний, врачи и сделали свое заключение. Вот как все произошло по словам желтокожего: солнце зашло, часа через три он услышал дикие крики своего хозяина, они раздавались в направлении бухты. Старый Кру выскочил из дома и бросился на крик. Ночь была лунная. Он подоспел как раз к моменту, когда его хозяин, взмахнув несколько раз руками в воздухе, навсегда погрузился в глубину. Желтокожий утверждал, что злой дух вселился в его хозяина.

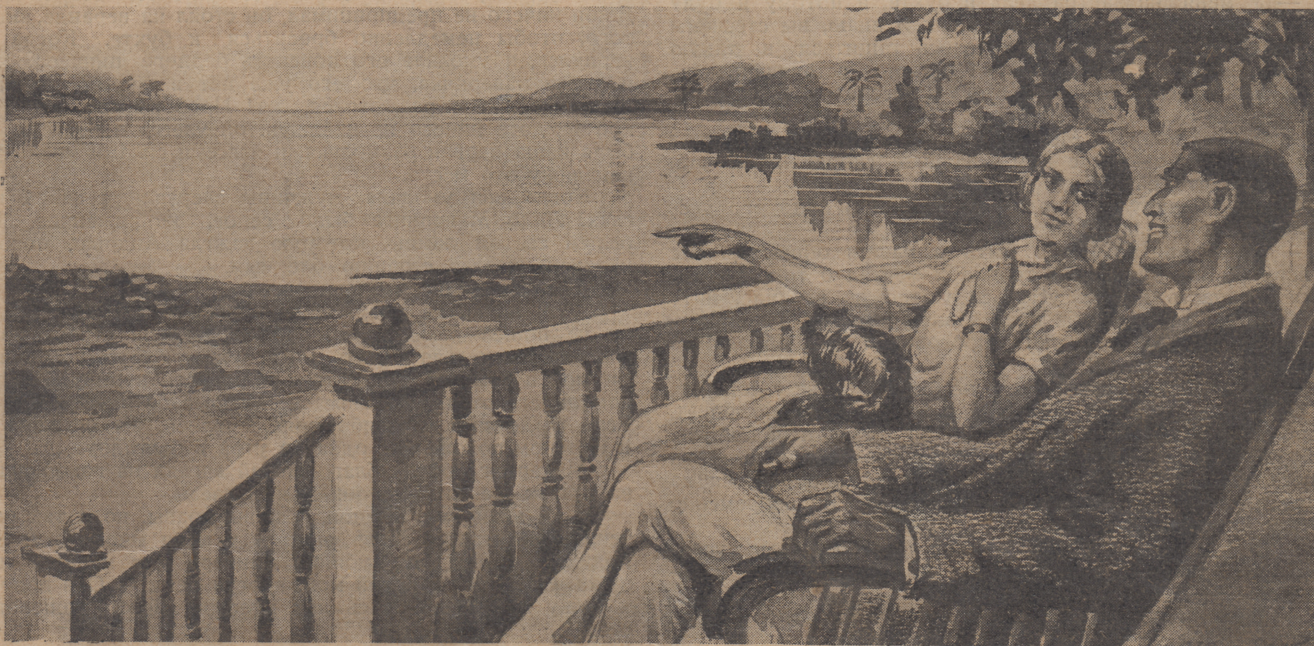
Окончив, Шанон откинулся на спинку кресла.

— И вы будете после этого уверять меня, что Гаттон был в полном уме? Если он не выпивал лишнего, то имела ли какая-либо другая ненормальность.

взрогнул, залпом выпил бокал и снова повернулся к Манерингу.

— Вы полагаете, что это плод моей досужей фантазии? Посмотрим... Пройдет неделька-другая и ваш трезвый, холодный англо-саксонский ум придет к тем же заключениям. Я не успел сообщить вам еще следующего факта: за шесть месяцев до смерти Гаттона его предшественник погиб тем же манером. Но он пил. Лично меня вы никак не убедите, что это послужило причиной его смерти. Этот случай произошел вскоре после того, как ваша фирма приобрела здешнюю станцию. Здание было выстроено за восемь месяцев до того одним голландским торговцем. Туземцы предупреждали его о неблагоприятности места, но красота и выгодность положения настолько прельстили его, что он не хотел ничего слушать и обосновался здесь. Два месяца спустя он погиб точно так же, как оба агента. Теперь вы видите, что я имею некоторые основания для своих «бабых» утверждений и, если вы прониклись ими, то послушаетесь моего совета и не будете после наступления темноты подходить к воде ближе, чем на сто ярдов.

Манеринг задумался.

Оба изнывали от жары.

— Да нет же! Я повторяю вам, что Дик был так же здоров и нормален, как мы с вами. Я никогда в своей жизни не видал более здорового и жизнерадостного человека. Желтокожий слуга первым высказал предположение, что его господин выпил лишнее, за ним стали повторять и другие, за исключением меня.

— Да, но с ваших слов все это предположение кажется довольно сомнительным. Но тогда у вас должно быть свои соображения. Может быть, вы не откажетесь поделиться ими со мной?

Шанон встал и нервно заходил по веранде. Приблизившись к перилам, он облокотился на них.

— Вы старше меня, Манеринг, вы дольше меня живете в этой проклятой стране и следовательно знаете, какие невероятные вещи случаются в Африке. И самое странное это то, что мы живем здесь и смеемся, когда должны бы давно убраться отсюда... Конечно, я мог бы думать, что Гаттон попал в пасть крокодила, если бы не знал наверняка, что в этих водах крокодилы не водятся. Чудовище, которое обитает, согласно утверждениям туземцев, в этой бухте, убило все живущее. Может быть, во время своего недолгого пребывания вы уже заметили, что здесь не видно никаких признаков жизни. В здешних водах нет рыбы, на целую милю по этому берегу вы не встретите ни птиц, ни зверей.

Джон Манеринг громко расхохотался.

— Мой дорогой друг! Вы со своими сказками походите на старую бабу. Лучше выпейте и прекратите ваши мистические разглагольствования! — проговорил Джон, наполняя тонкие, похожие на гвоздики, бокалы.

Шанон бросил через плечо взгляд на бухту. Темная вода искрилась при бледном лунном свете. Он слегка

— Но в чем же здесь дело? — воскликнул он наконец. — Ведь лично у вас должно же быть какое-либо объяснение на этот счет! Туземцы приписывают все дьяволу, но ведь вы же не предполагаете его вмешательства?

— Нет, я не думаю... Но я полагаю, что в глубине этой бухты, в этой темной воде, может обитать какое-либо существо, пожирающее все живое. На самом деле, чем объяснить бесплодность вод в стране, где все дышит таким обилием. Тело Гаттона так и не всплыло на поверхность, хотя долгое время этого ожидали и внимательно наблюдали. Не дали никаких результатов и поиски тела, т. к. бухта слишком глубока.

В это время послышались шаги и они умолкли.

На веранду вышла Андриу, радостная, сияющая красотой и здоровьем.

— Вы сейчас своим видом напоминаете мне вещей птиц. Чем это вы занимаетесь? Рассказыванием таинственных историй? — Ее глаза заискрились насмешкой.

Мужчины слегка улыбнулись обменялись взглядами. — Какая очаровательная мысль пришла тебе в голову, моя милая, подозревать двух взрослых мужчин в пристрастии к фантастическим сказкам?

Проговорив это, он подошел к жене и обнял ее, как бы стараясь защитить от чего-то.

Шанон откашлялся.

— Вы должны простить мне, м-с Манеринг, что я так долго засиделся у вас, но я информировал вашего мужа относительно здешних условий торговли и мы так увлеклись, что не заметили, как пролетело время.

— Да, время позднее и вы должны непременно остаться с нами закусить. Правда, на ужин у нас нет ничего, кроме холодной говядины; вероятно, муж рассказал вам, на каких условиях мы наняли боев?

Она улыбнулась, приглашая гостя к столу. Но никакие уговоры хозяев не могли убедить молодого ирландца остаться ночевать, он уверял, что ему необходимо эту ночь быть дома. Учитывая двадцать миль скверного пути, хозяева не стали дольше удерживать своего гостя. На прощанье он обещал, что этой же неделе заглянуть опять, если м-с Манеринг ничего не будет иметь против. В ответ на это молодая чета постаралась уверить его в своих симпатиях.

Шанон завел машину и пустил ее во весь ход. Манеринг понял, что он хотел удрать, как можно скорее подальше от бухты.

III.

Четыре дня спустя Манеринг с женой сидели на веранде за чаем. Был знойный полдень и они оба изнывали от жары и скуки. Вдруг послышался далекий шум мотора и вскоре сквозь прорубку деревьев они увидели приближавшегося Шанона.

— Алло! — весело кричал он. — Вот видите, я налицо, как обещал! — говорил он, вбега по лестнице на веранду.

— У меня на завтра дела в бухте, а потому я буду просить вас приютить меня на ночь. Я знаю, вы стеснены помещением, но мне бы не хотелось тащиться в такую даль к доктору, у которого я обычно останавливаюсь, когда бываю здесь по делам. Могу я рассчитывать на вашу любезность?

— Что за вопрос? Мы так рады видеть вас! — говорил Манеринг, здороваясь с ним. — Идемте скорее пить чай, мы только что начали.

Шанон шлепнулся в одно из кресел и лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Как приятно опять быть в вашем обществе, м-с Манеринг! Все эти дни я только и мечтал о том, как бы скорей попасть к вам, усесться уютно на веранде, пить чай... Вы не можете себе представить, как мы, холостяки, завидуем вашему счастью! — проговорил он, обращаясь к Джону.

— Вы знаете, я почти нигде не бываю, разве у доктора, но его трудно застать дома. Меня же никто не посещает, редко-редко заглянет кто-либо по пути передохнуть. В ближайшее время я ожидаю двух своих приятелей из Лагоса. Они приедут на несколько дней поохотиться на крокодилов. Прекрасные молодые люди. Я непременно заташу их сюда, показать вам.

— Я буду очень рада! Сколько вам положить кусочков, один, два? — спрашивала м-с Манеринг гостя, наливая чай.

— Один! Благодарю вас! Ну, как вы находите теперь Одутрей после недельного пребывания здесь?

Чашка расплескалась в руках Андрию при этом вопросе.

— Да, как вам сказать, м-р Шанон? Я просто затрудняюсь с ответом. Когда мы прибыли сюда, мне казалось, что это прелестнейший уголок в мире... я и сейчас так думаю... Только... почти с первого дня я почувствовала что-то отталкивающее во всей этой красоте, вокруг словно что-то таится, подстерегает нас, чувствуется какая-то жуть...

Манеринг обменялся взглядом с гостем.

— О, моя дорогая, — проговорил он шутивым тоном, — какие глупости ты говоришь. Ты заразилась суевериями туземцев и...

— Совсем нет, Джон! — нетерпеливо прервала она. — Я не придаю ровно никакого значения словам туземцев, но в этой глубине действительно таится что-то жуткое. Вы смеетесь, но в душе вы согласны со мной. Почему вы не позволяете мне подойти близко к воде с наступлением темноты? — Она на минуту умолкла. Но едва ее муж раскрыл рот, чтобы произнести что-то, она вновь заговорила.

— Подожди, Джон! Выслушай меня! Я еще не все сказала и я чувствую, если я не выскажусь, то сойду с ума... Почему ты не только не пускаешь меня, но и сам не подходишь к воде после захода солнца? Почему прошлый вечер, когда мы играли за домом и мой мяч покатило далеко к берегу, ты не хотел поискать его, оставив до утра? Ты не смеешь насмехаться надо мною, ты сам не лучше меня!..

— Андрию, дорогая, я и не думал насмехаться. Мне хотелось только рассеять твои болезненные мрачные мысли! — Нервная улыбка появилась на его лице и взгляд старался избежать глаз жены.

Андрия обратилась к ирландцу.

— О, как я ненавижу это место, м-р Шанон! Мы потеряли здесь нашу собаку, которую благополучно

дoveзли из самой Англии. Джон думает, что она попалась змее в кустарнике. О, мой бедный старый пинчер, он был мне так дорог! — воскликнула она со слезами в голосе. — И я уверена, что он, несчастный, в бухте. Нет, нет, дайте мне закончить! — проговорила она, заметив желание мужчины возражать.

— За сутки до этого, ночью, когда мы уже были в постели, послышалось сердитое рычание пинчера. Он всегда спал в корзине на веранде. Я тогда подумала, что это шатаются туземцы и попросила Джона посмотреть в чем дело. Он вышел на веранду, взяв с собой электрический фонарь, так как ночь была страшно темна; еще с вечера все небо заволочилось тяжелыми облаками, и я думала, будет шторм. Я наблюдала, как Джон направлял лучи фонаря в разные стороны. Он окликнул меня и сообщил, что никого не видно вокруг, пинчера он тоже не мог найти, на веранде его не было. Едва он кончил, послышался злобный, удалявшийся в направлении бухты лай пинчера. Джон стал свистать и звать его, но он продолжал лаять. И вдруг лай сменился страшным визгом ужаса и боли, почти человеческим стоном, смешавшимся с громким шумом расплескиваемой воды и затем все смолкло, Джон ничего не предпринимал, он стоял на веранде, вместо того, чтобы немедленно броситься к бухте. Когда он вернулся, я умоляла его поискать бедного пинчера, хотя я знала наверняка, что его уже нет в живых. Джон не пошел. Он не оправдывался, нет! Пробормотав, что в такой темноте ничего не найдешь, он улегся в постель. Это была наша первая размолвка, и я всеми силами моей души ненавижу это место.

Когда она умолкла, мужчины заерзали в своих креслах. Лицо Манеринга было серое, напряженное. Под белым светом лампы, которую зажгла Андрия, молодой человек казался страшно бледным.

Сделав усилие, он произнес:

— Я никак не могу осудить вашего мужа за то, что он не пошел разыскивать собаку. В этой стране ночью совершенно нельзя ходить. Ваш муж мог быть убит змеей, он мог в темноте оступиться и упасть в воду. В конце концов, его отказ объясняется только заботливостью о вас. Если бы с ним что-либо приключилось, вы остались бы в ужасном положении, одна до утра в бэнгалу...

Манеринг бросил благодарный взгляд на говорившего, на глазах же Андрию показались слезы.

— Я знаю, м-р Шанон, что вы правы, но я так огорчена этой утратой, ведь он был у меня много лет. Я не подумала тогда, что убийца пинчера мог напасть и на мужа. О, Джон, дорогой мой, прости меня! — Она подошла к мужу и, наклонившись над креслом, нежно поцеловала его.

— Пустяки, дорогая, прощать нечего! — проговорил он, возвращая ей поцелуй. — А теперь давайте поговорим о чем-нибудь более веселом. Так не развлекают гостей, моя милая, ты возьми себя в руки. Вон, смотри — киска идет за молочком! — Он поймал персильскую кошку и стал с ней играть. Андрия залюбовалась движениями кошки. — Какая грациозная! — проговорила она, поглаживая ее шелковистую шерсть. — Если бы кто-нибудь знал, что мы до восьми часов вечера просидели здесь и проболтали о всяких ужасах! — воскликнула она, сбросив тяжелые мысли. — Что вы скажете насчет того, чтобы устроить ужин на воздухе? Ночь дивная и вы свободно вдвоем перетащите стол. Вставьте живо! Надеюсь, наши бои приготовили нам что-нибудь вкусное, прежде чем улетучилось!

Мужчины вскочили, исполняя ее желание.

— Великолепная мысль, м-с Манеринг! Ночь дивно прекрасная. Все ярко залито серебром и светло словно днем! — проговорил восторженно Шанон, повернувшись лицом к круглому блестящему диску луны, всплывшему над вершинами пальм.

— Да, — пробормотал Манеринг едва слышно, — хотел бы я, чтобы та ночь, когда погиб пинчер, была такой же светлой. Я бы мог знать...

— Т-ш-ш! Замолчите вы, глупец! — перебил его Шанон. — Вы хотите снова расстроить вашу жену?

Андрия остановилась на минуту, бросив накрывать на стол и прислушалась.

— Опять какой-то заговор? — и, вдруг переменяя тон, с беспокойством заметила. — Что такое? Взгляните на Китти?

Пораженные ее тоном они посмотрели в указанном направлении.

Кошка, которую за минуту перед тем ласкал Манеринг, стояла на самом берегу и пристально глядела в воду. Ее выгнутая, взъерошенная спина указывала, что она видит в воде что-то страшное.

Андрю быстро сбегала с лестницы и направилась к берегу. Манеринг и Шанон бросились вслед за ней, умоляя вернуться. Но она, не обращая внимания на их просьбы, подбежала к кошке, которая все еще продолжала злиться и ворчать, схватила ее на руки и тут же с криком ужаса упала на землю.

Мужчины приблизились к ней. Манеринг наклонился над женой, стараясь ее поднять.

Шанон же с ужасом в глазах вперился в воду. Он стоял неподвижно, словно ослепленный, и при бледном свете луны казался окаменевшей статуей.

Не вставая с колен, Манеринг передвинулся на самый край берега, чтобы зачерпнуть воды и смочить голову, все еще не пришедшей в сознание, жены. Но едва он опустил руки в холодную воду, его расширившиеся глаза уперлись в одну точку и застыли.

На поверхности воды, освещенной светом луны, плавало никогда невиданное им чудовище.

Вдруг вода заволновалась сильнее, чудовище заворочалось и вытянуло голову по направлению к берегу. Серые, громадные, величиной с тарелку глаза горели красноватым огнем. Голова в четыре фута шириной, и все туловище было покрыто как у крокодила чешуей,

нали щупальцы, осьминога, но были много длиннее и толще.

И вдруг раздался нечеловеческий, полный ужаса крик Шанона, к которому вернулось, наконец, сознание. Он бегом бросился к Джону.

— Манеринг, бежим скорее! Щупальцы близятся к берегу! Ради всего святого, быстрее!

Он наклонился над Манерингом, все еще стоявшим на коленях, и поднял его. Схватив на руки Андрю, он изо всех сил пустился бежать к дому. Но едва он пробежал несколько ярдов, как вокруг его правой ноги захлестнулся липкий жгут. Шанон тяжело грохнулся вместе со своей ношей на землю. Голова неудачно попала на острый зазубренный камень, и он потерял сознание. Даже под тяжестью навалившегося на нее тела Андрю не пришла в себя и это было для нее счастьем.

Чудовище вытянуло голову по направлению к берегу.

но только более крупной. Странный круг, диаметром фута в два, покрытый розовой кожей, заменял рот; края его окаймлялись крупными лучеобразно расположенными складками кожи. Этот рот напоминал своим видом нижнюю часть морской анемоны, которой она присасывается к скале. Чудовище направляло свой присосок в ту сторону берега, где находились все еще замagnetизированные мужчины. При его движении ужасный смрад отравил воздух, словно здесь были собраны гниющие отбросы за много лет.

И когда это зловоние дошло до ноздрей ослепленных мужчин, они начали медленно приходить в себя. Шанон медленно, словно сонный, передвигался в направлении дома. Водяное страшилище зашевелилось и последовало за ним. И, по мере того, как оно выходило из воды, яснее обозначалось его тело гигантского крокодила, длиной футов в тридцать и почти такой же ширины. На месте обычных четырех коротких лап крокодила огромное туловище было окружено присасывающими щупальцами. Эти щупальцы, которых насчитывалось штук сорок, напоми-

Манеринг же продолжал стоять как зачарованный, наблюдая за страшными движениями щупальцев, вылезавших на берег за добычей. Одно из огромных щупальцев направилось к нему, с невероятной быстротой обвилось вокруг его груди и потащило в воду. Почувствовав липкое прикосновение, Манеринг точно сошел с ума и бешено вцепился руками в напряженные мускулы щупальца. Он рвал, раздирали их в отчаянной попытке освободиться. Душераздирающие крики оглашали воздух. В это время одно из щупалец вернулось с берега с добычей. Красавица-кошка лежала в красном присоске пресмыкающегося, и оно

смаковало свою жертву, издавая отвратительные звуки чавканья, в которых слышалось полное довольство. Приближались следующие жертвы: Манеринг вопил и боролся с нечеловеческими усилиями, Шанон же не оказывал никакого сопротивления. Андрю лежала в прежнем положении.

В это время раздался ужасный предсмертный крик Манеринга, подтащенного к воде и пытавшегося из последних сил удержаться, и следом за ним послышался выстрел, один, другой, третий...

Со сдавленным хрюканьем чудовище забарахталось в воде и стало тонуть, увлекая за собой свои жертвы. Одно из щупалец в предсмертной агонии захватило Андрю и потащило ее за собой.

IV.

— Да, у этих молодых людей оставалось немного шансов на спасение. Мне даже жутко думать о судьбе, которая

ожидала их и молодую женщину, если бы вы и Деворокс не подоспели во-время!

— Да, это правда, Дик! Но если бы вы видели ту картину, которая представилась нашим глазам, когда мы явились сюда, ваши предполагаемые шансы сошли бы на-нет. Как я уже вам рассказывал, мы направлялись к Шанону, чтобы поохотиться вместе с ним на крокодилов, но вследствие порчи машины нам пришлось остановиться здесь. Мы направились к дому в надежде найти ночлег. С трудом пробрались мы через кустарник, окружающий дом. Нас сопровождали два боя, вооруженных испанскими ножами, на случай встречи с змеями. К счастью, у меня и Джека были с собой тяжелые винтовки, благодаря какому-то случаю оказавшиеся заряженными. Та картина, что представилась нашим глазам, могла повергнуть в состояние растерянности даже самого храброго человека. Бой, побросав свои ножи, пустился наутек от этого проклятого места! — Деворокс тяжело вздохнул.

— Я остановился словно в столбняке и только выстрел Джека вернул мне сознание. В пяти ярдах от нас находилась бухта, на поверхности которой плавало нечто настолько ужасное, что вряд ли даже самое пылкое воображение могло себе представить что-либо подобное. Это было что-то среднее между динозавром и декаподом. Огромная голова этого безобразного чудовища покоилась на длинной змеиной шее. Судя по окраске, его можно было отнести к постоянным обитателям морских глубин, куда никогда не проникает свет.

Выстрел Джека был на редкость удачен. Огромное животное заволновалось. Тогда я прицелился в его голову на лампу глаз и выстрелил. Очевидно, одна из наших пуль попала в живой центр, так как чудовище задвигалось быстрее, бурля вокруг себя воду, и начало быстро тонуть, увлекая за собой свои жертвы. Я закричал Матезону, чтобы он поскорее подобрал ножи, брошенные боями. Мы едва

едва успели с помощью орудий вырвать добычу у уходящего в глубину чудовища.

Перенеся пострадавших в дом, мы оказали, насколько сумели, первую помощь и затем, как только они пришли в себя, немедленно, не дождавшись вас, отправили их подальше от этого проклятого места.

— Я полагаю, что все было сделано правильно, не так ли, доктор?

— Конечно! Пострадавшим требовалось госпитальное лечение и, кроме того, это избавляло от излишних расспросов, которые могли снова взволновать их! — произнес доктор.

И едва он закончил фразу, брызнул бледный утренний рассвет и разом сменил темноту ночи; такие резкие смены дня можно наблюдать только на экваторе. И в этот самый момент Матезон с громким криком вскочил со своего кресла, указывая по направлению бухты. На поверхности воды плавало перевернутое тело огромного доисторического пресмыкающегося.

Мужчины бросились на берег.

— Мы непременно должны заполучить его скелет. Какая будет находка для науки! — говорил доктор.

Но в тот момент, как они достигли берега, тело стало тонуть и так быстро, что им не удалось даже рассмотреть подробностей его нижней части.

Когда чудовище окончательно погрузилось в воду, Матезон произнес:

— Я опасюсь, доктор, как бы наука не потеряла в вашем лице ценного работника. Эта бухта бездонна, и я надеюсь, что вы не сделаете такой глупости, чтобы теперь же заняться вашими научными изысканиями. И прежде всего предлагаю взорвать динамит в этой бухте, чтобы выяснить, не осталось ли у этого допотопного чудовища других спутников его жизни.

НОВЫЕ ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ

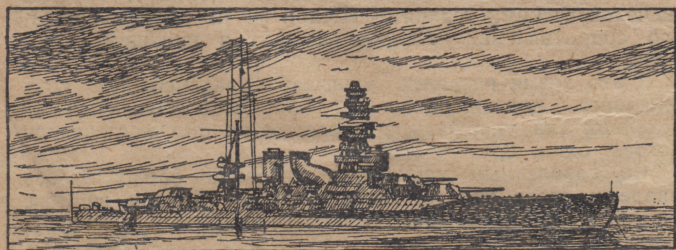
По заверениям всей буржуазной печати мы живем в эпоху «разоружения», но это «разоружение» благополучно осуществляется только на бесчисленных и бесплодных конференциях, в действительности же, «державы-победительницы» усердно заняты ныне постройкой новых боевых единиц для своего флота. Всякие технические усо-

Английский дредноут „Нельсон“.

вершенствования строго учтены и разносторонне применены при создании этих современных дредноутов.

Наш первый рисунок показывает английский броненосец-дредноут «Нельсон». В этом военном корабле бросается в глаза его огромная по своей длине передняя часть, покрытая тяжелой броней; мы видим здесь только три панцирных башни, в которых находится могучая артил-

Японский корабль „Мутзу“

лерия; наблюдательные вышки, каюты и другие важные помещения находятся в задней панцирной или броневой башне. Корабль вооружен девятью новыми 16-дюймовыми орудиями (дюйм = 2½ см) и 20 орудиями меньшего калибра. Родной брат «Нельсона», которому дано имя «Родней», находится еще в постройке.

Новый японский дредноут «Мутзу» обошелся более 80 миллионов рублей. В этом судне любопытна высокая передняя мачта со множеством наблюдательных постов и мостиков, а кроме того поражает своим необычным видом и труба. Повидимому, такая изогнутая назад форма трубы должна освободить наблюдателя от дыма. В некоторых новых английских судах две дымовые трубы соединены сверху в одну общую трубу.

Американский дредноут «Саратога» точно также снабжен одной вытянутой и широкой трубой. Передняя и задняя палубы не загромождены броневыми башнями, чтобы

Американское военное судно „Саратога“.

дать полную возможность подниматься отсюда военным гидропланам. Этот корабль снабжен также особой артиллерией для обстрела воздушных сил противника.

Любопытной особенностью всех новых военных кораблей является очень небольшое количество всевозможных сооружений на палубе, которым неприятельская артиллерия могла бы нанести существенный вред.

КОНЕЦ ЗЕМЛИ

Научная фантазия Эжоха Остех.

Автор, профессор в Кембридже, переносит читателя на сорок миллионов лет в будущее и рисует картину того, как произошел наиболее вероятный, с его точки зрения, конец нашей планеты. Рассказ ведется от лица переселившегося на Венеру бывшего землежителя.

«Итак, совершилось! Жизнь человеческая на земном шаре прекратилась... Нам, существам, предки которых некогда переселились с Земли сюда, на Венеру, странно сознавать, что первоначальная родина наша превратилась в безлюдную пустыню.

Как это случилось? Какие события привели к катастрофе?

Она не была внезапной. Длинный ряд тысячелетий постепенно подготовил трагический конец планеты, которая некогда была родиной предков нынешних переселенцев Венеры.

Сделаем же беглый обзор этих событий.

* * *

Присвоено возникновению Земля вращалась быстрее всех прочих планет солнечной системы. Сутки были в пять раз короче, нежели в то время, когда на земном шаре появились первые люди. Год насчитывал 1.800 таких укороченных суток. Прежде чем юная земля успела уплотниться, солнечное притяжение разделило ее на две неравные части; меньшая из них образовала спутник большей — Луну. Это было важное событие в истории Земли, событие, скрывавшее в себе зародыш грядущей гибели земного человечества. Смертельный удар населению Земли был нанесен именно Луной. Как это произошло, я и расскажу в дальнейшем.

* * *

Первоначально Луна находилась весьма близко от Земли и обращалась вокруг нее так быстро, что месяц был лишь немного длиннее суток. Могучие приливы, порождаемые на Земле столь близкой Луной, тормозили вращение Земли и замедляли его: сутки постепенно становились длиннее. Но при этом Луна сама увлекалась приливной волной, получила большую скорость и, в силу законов небесной механики, отдалялась от Земли все больше и больше. Таким образом, одновременно с удлинением дня происходило и удлинение месяца. Это совершалось медленно, но безостановочно.

В ту отдаленную эпоху, когда на земле возникают первые проявления жизни, Луна была уже далеко от Земли, а через тысячу миллионов лет, когда в земной природе появился человек, Луна совершала уже свой оборот вокруг Земли в 29 дней. Но замедляющее действие приливов, трение приливной волны о земную поверхность не прекратилось окончательно; оно лишь ослабело, и уменьшало про-

должительность каждых суток, примерно, на одну 40-тысячную долю секунды.

Когда человечество придумало тепловые машины, оно стало сжигать в топках котлов и в двигателях внутреннего сгорания те горючие остатки ископаемых растений, которые удавалось находить в поверхностных слоях земной коры. Но этих запасов горючего хватило всего лишь на несколько столетий. Пришлось искать других источников энергии. Сначала обратились к водопадам и к текучим водам, — но здесь удалось получить лишь немного. Энергия ветра — непостоянна. Энергией солнечных лучей можно пользоваться только в тропических странах.

И вот земные люди обратились к энергии приливов и отливов, — не подозревая, к каким роковым последствиям это должно привести в отдаленном будущем. Изобретение искусственной пищи позволило человечеству беспрепятственно размножаться, не испытывая земельной тесноты, и в ту эпоху, когда вся планета объединилась в одну федеративную республику, насчитывалось уже 12 миллиардов земного населения. Приливные силовые станции развивались с неудержимой быстротой. К тому времени, когда человеческий род насчитывал миллион лет своего существования, общая мощность всех приливных установок достигала биллиона (т.е. миллиона миллионов) лошадиных сил. Следствием этого было то, что тормозящее действие приливов на вращение Земли увеличилось в 50 раз. День стал удлиниться все ощутительнее.

Если бы удлинение суток протекало естественным порядком, прошло бы 50 миллиардов лет, прежде, чем продолжительность суток сравнялась бы с месяцем. Но земные люди никогда не

заглядывали вперед больше, чем на миллион лет. Поэтому они продолжали бесечно расточать природную энергию земного вращении. Прошло пять миллионов лет — и люди использовали уже, в виде энергии приливов, около 50 биллионов лошадиных сил.

* * *

Это была счастливая эпоха в истории земного человечества. Все инстинкты людей получили полное удовлетворение. Смерть отодвинулась далеко вглубь веков, потому что науке удалось продлить жизнь человека до 3000 лет. Лик Земли изменился под рукой человека: материки были переустроены, обширные пустыни орошены, вечные снега растоплены. Искусство достигло небывалой высоты и процветания.

Пушкой служила исполинекая труба.

Эволюция человеческого рода прекратилась: человек достиг полного равновесия с окружающей природой, и воздействие ее на него свелось к нулю. Исчезли некоторые, ставшие бесполезными, органы, — например, зубы, и, между прочим, были уничтожены всякие болевые ощущения. Люди не знали, что такое боль. Технических открытий больше не делалось: в этом не ощущалось уже никакой потребности, так как все стремления получили удовлетворение. Из наук продолжали развиваться лишь некоторые отрасли чистой математики, не имевшие прикладного значения, химия биология; из технических знаний — садоводство.

* *

Так безмятежно протекала жизнь земного человечества в течение трех миллионов лет, пока удвоившаяся продолжительность суток не заставила людей тревожно задуматься над грядущими судьбами их планеты. Люди поняли, к чему это должно привести со временем: после того, когда сутки сравняются с месяцем, начнется преобладание солнечных приливов, которые будут стремиться уравнивать сутки с годом. Луна станет обращаться вокруг Земли быстрее, чем сама Земля вокруг своей оси, и это повлечет за собою постепенное приближение Луны к Земле. Неизбежен момент, когда Луна будет разрушена могучим притяжением близкой Земли и сама подвергнется разрушению...

Тогда поставлен был на очередь новый в истории земного человечества лозунг:

— Колонизация других планет!

Первые смелые попытки перелететь на иные планеты окончились гибелью отважных летчиков. Посланные снаряды либо сгорели от трения об атмосферу, либо разрушились от столкновения с падающими камнями. А те, которые достигли Луны, разбились вдребезги от ударов об ее поверхность. Единственная экспедиция, которой удалось благополучно высадиться на Луне с запасом кислорода и даже сигнализировать оттуда на Землю о результатах своих разведок, не могла возвратиться на родную планету, и все члены ее умерли на Луне.

Как происходили эти небесные перелеты? Первые экспедиции пользовались огромными пушечными снарядами в 50 метров длины, внутри которых была устроена каюта. Пушкой служила исполинская труба в несколько километров, сооруженная на вершине высокой горы, чтобы вылетающее ядро встречало меньшее сопротивление воздуха. Оставив за собою атмосферу со скоростью 10 километров в секунду, снаряд двигался дальше уже по принципу ракеты. Тогда снаряды еще не снабжались, как в наши дни на Венере, обширными развертывающимися крыльями для использования светового давления. Поэтому высадка на чужую планету была крайне опасна и редко совершалась благополучно. Межпланетный перелет в сущности был почти самоубийством.

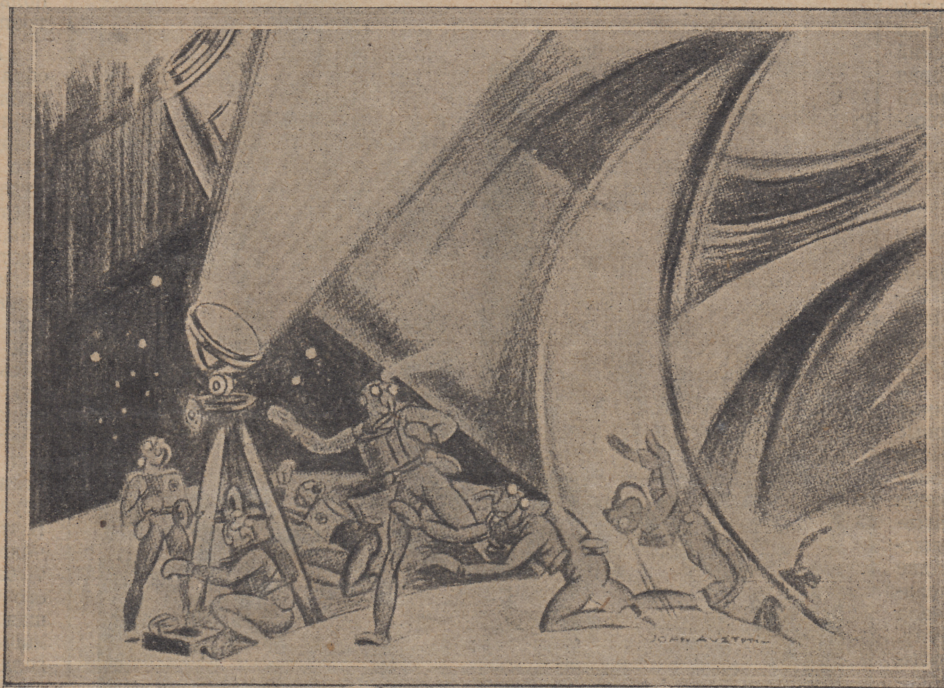
В 9723841-м году одной экспедиции удалось счастливо достигнуть Марса и невредимо высадиться на его поверхность. Она сигнализировала оттуда, что колонизация этой планеты невозможна: тот вид живых существ, который господствует на Марсе, слеп к лучам, воспринимаемым нами как свет, и ничего не знает о других планетах. Это не мешает им узнавать о прибытии в их мир чужеземцев и яростно стремиться к их уничтожению.

Спустя 500.000 лет, осуществлена была первая экспедиция на Венеру. Но страшный зной и недостаток кисло-

рода в атмосфере Венеры погубил смелых участников этой первой разведки. После трагической гибели этой экспедиции, попытки совершать перелеты стали крайне редки.

* *

Наступил критический 17846151-й год, когда беспечное использование энергии вращения земного шара привело к тому, что сутки по продолжительности сравнялись с месяцем: то и другое длилось 48 старых дней. Земля и Луна всегда были повернуты друг к другу одной и той же стороной. Ночи на Земле стали непомерно длинны и страшно холодны, так что в течение этой 24-суточной ночи успевала отмирать вся растительность. Напротив, долгие дни были непереносимо жарки. Многие растения приспособились к этим новым климатическим условиям, но все не-домашние млекопитающие, все птицы и пресмыкающиеся постепенно вымерли. Род человеческий, однако, продолжал размножаться, потребность в энергии росла, и, за отсутствием лунных приливов, началось использование приливов, порождаемых Солнцем. Это еще более удлиняло продолжительность суток и приближало роковой конец.

Она сигнализировала, что колонизация невозможна.

Теперь месяц был уже короче новых суток; Луна восходила на западе и закатывалась на востоке. Сначала медленно, потом все стремительнее Луна приближалась к Земле, и диск ее зловеще возрастал для жителей земного шара. Было ясно, что гибель Земли — вопрос еще всего нескольких миллионов лет. Большинство людей взирало на грядущую гибель родной планеты с равнодушием, но не мало было и таких, которые серьезно задумывались над путями спасения.

Тогда опять возобновились настоятельные попытки колонизовать Венеру. Целый ряд экспедиций закончился гибелью, прежде чем 285-я

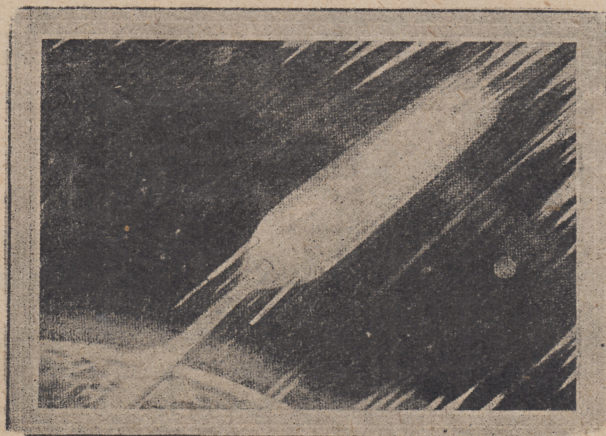
экспедиция высадилась благополучно и просигнализировала подробно об условиях здешней жизни. Несколько сот тысяч земных обитателей, — те, потомками которых являются нынешние человеческие существа Венеры, — твердо решили спасти человеческий род от окончательного вымирания. Если земному человечеству неизбежно суждено погибнуть, то человек должен жить вечно во вселенной. Задача состояла в том, чтобы путем искусственного отбора создать такую породу людей, которая была бы приспособлена к условиям жизни на Венере: к высокой температуре и к недостатку кислорода. Те, которые посвящали себя служению этой великой идее спасения человеческого рода, самоотверженно переносили связанные с этим лишения. Десять тысяч лет длился этот героический подвиг, прежде чем создана была раса, способная жить в атмосфере, содержащей всего $\frac{1}{10}$ долю нормального количества кислорода, и при температуре тела, на 6° выше нормальной. Исполинские ракеты с такими пассажирами во множестве были отправлены на Венеру. Из 1734 снарядов только 11 благополучно достигли Венеры и высадили своих пассажиров. Экипаж троих из них погиб, а остальные были нашими предками.

* *

С этого момента начался новый период в жизни человеческого рода. Надо ли рассказывать историю нашего нового человечества, историю колонизации Венеры? Всем известно, каких гигантских усилий стоила первым колонизаторам борьба с природой Венеры и с природой своего

собственного существа. Эволюция земных переселенцев была подчинена бдительному общественному контролю. Необычайный рост умственных способностей сопровождался и появлением новых внешних чувств. Не многие знают, что наша способность воспринимать электромагнитные волны длиной от 100 до 1200 метров — есть новое приобретение, которого люди на Земле еще не имели. Великое значение этого чувства в том, что во все моменты нашей жизни, наяву и во сне, оно ставит каждого отдельного человека под воздействие голоса общности. Та совершенная солидарность, которая отличает сейчас нашу жизнь на Венере, едва ли возможна была бы без этого чувства. На Земле некоторым подобием благоде-

Исполинские ракеты были отправлены на Венеру.

тельного влияния этого чувства было воздействие высших форм искусства, музыки и литературы, равно как правила личной и общественной морали.

Другое новое чувство, приобретенное нами здесь, на Венере — чувство магнитное. При недостаточной прозрачности здешней атмосферы, чувство это очень важно для авиации. На Земле же оно было бы почти бесполезно. Возродилось здесь и чувство боли, утраченное на Земле, — чувство, очень важное в процессе эволюции: без чувства боли человек не мог бы выжить и приспособиться к враждебным условиям.

Последние несколько миллионов лет воочию выяснили опасность, угрожавшую Земле вследствие использования человеком энергии ее вращения. Эксплуатация приливов была поэтому прекращена. В этот период Луна, постепенно приближаясь к Земле, отстояла от нее уже в пять раз ближе, чем в начальный период истории человечества. Людям она казалась огромным диском, в 25 раз больше солнечного, и четырежды в год поднимала исполинские приливные волны в 150 метров высоты.

Сказывалось и влияние земного притяжения на столь близко расположенную Луну. Притягиваемое к Земле в разных частях с различной силой, тело Луны стало распадаться на отдельные глыбы. Первые обломки покинули ее поверхность, когда она находилась всего в 9000 километрах от Земли и покрывала собою для земных обитателей пятую часть неба.

Конец этого разрушения можно было наблюдать с Венеры: внезапно раскрылась часть лунной коры, обра-

щенная к Земле, и из недр земного спутника излился поток раскаленной лавы. В короткий срок вся масса Луны расплавилась и растеклась кольцом, окружившим земной шар наподобие колец Сатурна. Спасаясь от нестерпимой жары, уничтожавшей все живое на земной поверхности, человечество зарылось глубоко в землю.

* * *

Но ему не суждено было уцелеть. Раскаленные обломки и обрывки Луны, хаотически сталкивавшиеся в кольце, частью выбрасывались оттуда и обрушивались на Землю. Из-за облаков пара и вулканического дыма, которые покрывали Землю, мы многого не могли рассмотреть. Но позднее стало ясно, что тропические области Земли были погребены на глубину многих километров под лунными обломками, а остальные зоны погрузились в кипящий океан и в вулканические извержения, вызванные этой бомбардировкой. Невозможно допустить, чтобы на Земле сохранился хоть какой-нибудь след человеческой жизни.

Кольцо вокруг Земли, подобное кольцу Сатурна, еще не пришло в равновесие: обломки его будут падать на Землю в продолжение тридцати пяти тысяч лет. В конце этого периода Земля будет готова для обратной колонизации. Нами уже предприняты приготовления к этому событию.

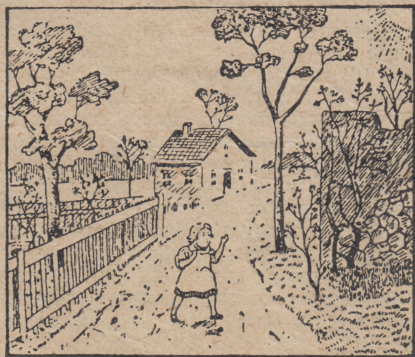
Возвратившись на Землю, мы предполагаем колонизировать оттуда Юпитер. Неизвестно, удастся ли эта попытка. Большая сила притяжения, конечно, разрушит тела таких размеров, как наши; но жизнь на Юпитере будет возможна для меньших организмов. Поэтому мы воспитываем особый карликовый вид человеческой расы, в четыре раза меньше нашего с короткими ногами, но очень широкими костями. Их внутренние органы тоже будут весьма прочны. Эти существа отбираются путем выращивания в центрофугах, заменяющих усиленную тяжесть. Приспособляемость к чрезвычайному холоду на Юпитере невозможна, но мы предполагаем посылать туда снаряды длиной в километр, которые будут заключать достаточный запас энергии, обеспечивающий их обитателей на несколько столетий. А за это время они смогут разработать доступные на этой планете источники энергии. Мы надеемся, что один из тысячи снарядов долетит благополучно. Если Юпитер будет успешно колонизован, мы предпримем завоевание и более отдаленных планет.

Через сто тридцать миллионов лет солнечная система перейдет в такую область пространства, где звезды гораздо плотнее, чем в нашем нынешнем соседстве. Хотя, по всей вероятности, не более одной из десяти тысяч этих звезд обладает пригодными для колонизации планетами, но возможно, что мы пройдем на достаточной близости от такой звезды, чтобы предпринять попытку высадки. Время, необходимое для достижения другой звездной системы, будет измеряться сотнями или тысячами лет, и из каждого миллиона снарядов только несколько достигнут цели. Но в таких случаях гибель жизни столь же неизбежна, как и при посевах растений.

Наш Млечный Путь будет существовать приблизительно не меньше восьмидесяти миллионов лет. Необходимо, чтобы до истечения этого времени вся его материя, пригодная для жизни, была во власти потомков тех, чья родина — Земля. Если это когда-либо хоть приблизительно будет достигнуто, конец Земли, свидетелями которого мы только что были, — будет всего лишь эпизодом, почти не имеющим значения.

Ведь существуют еще и другие Млечные Пути!».

ЗАГАДОЧНЫЕ КАРТИНКИ

Кто и где поет девочке?

Кто слушает эту птичку?

ВЕЛИКИЕ ВЕРБЛЮДЫ КАРАВАНА ГАМ-ГАМ

(Тайные общества в Америке).

Самая яркая черта жизни в Соединенных Штатах Америки — это, несомненно, ее механизация: 30 миллионов автомобилей, 10 миллионов электрических утюгов, 3 миллиона таких же пылесосов — (этот перечень можно продолжать без конца) — заменяют и облегчают труд американца в повседневном быту, устраняя из него множество мелочей.

Но механизация отнюдь не ограничивается только материальным бытом. Вы должны в Штатах мыслить, чувствовать, высказываться по общепринятому штампу, иначе вы окажетесь отщепенцем, обреченным на безработицу, на нищету, а то и совсем будете превращены в ничто. В этой стране «свободы» царит величайшее моральное рабство!

Двадцать лет тому назад положение было несколько лучше, но и тогда Максим Горький, писатель с мировой славой, не нашел приюта ни в одной из нью-йоркских гостиниц только потому, что осмелился приехать в Штаты с невенчанной у полов женой. Один из самых блестящих писателей Америки, Эптон Синклер, выпускает по несколько книг в год, его произведения всегда вызывают огромный интерес, но так как он имеет смелость быть социалистом, то продлеваются всевозможные шуточки, чтобы помешать сбыту его произведений, — и он никогда не выходит из нужды, более или менее острой. Борясь с этим засилием, Синклер года два тому назад открыл собственное издательство, рассчитывая на большой коммерческий успех. Но в очень короткий срок разными «законными» разбойничьими способами его привели к банкротству.

Достаточно этих двух ярких примеров (а их можно бы привести много больше), чтобы получить понятие о духовном рабстве личности в Америке. Как непреложный закон — над нею властвует там общепринятый штамп. Будь таким, как все, или не будь вовсе!

Да и к чему, в самом деле, американцу не быть, как все? Ему даны три кита — нажива, религия и спорт, три кита, на которых стоит вся Америка. А кому их мало, тому в ней не место! Правда, в наживе — лишь один из миллионов становится Морганом или Рокфеллером, в спорте — стоит быть только чемпионом (это дает славу и деньги), а утешений религии еще никто не ухитрился положить на текущий счет. Чем же наполнить мозг и душу заурядного человека, т.е. многих десятков миллионов рядовых граждан, в сущности и составляющих нацию? — Для них, для их мысли, энергии, исканий — в Америке имеется хитрая отдушина в виде ряда самых разнообразных тайных обществ. Тут они могут осуществлять непоборимое в человеке стремление к успеху, к возвышению, к необычному, наслаждаясь мнимой моральной свободой. Ведь эта иллюзия нужна чистильщику сапог или торговцу воздушными шарами гораздо более, чем Рокфеллерам и Вандербильтам, — и она была им дана.

В Европе из большого числа американских тайных обществ знают почти единственно «Ку-Клукс-Клан». Это, действительно, старейший и самый могущественный тайный орден, распространенный по всей Америке. Впрочем, надо оговориться: тайность — следует понимать лишь в смысле таинственности, которой облекается деятельность и жизнь этих орденов и которой замаскированы их конечные цели; но имея свои центры, дворцы, отделения, уставы, они, конечно, являются вполне явными организациями.

У других «тайных» обществ — размах далеко не таков, как у «Ку-Клукс-Клана», но по причудливой нелепости своих званий, обрядов и нарядов, они, пожалуй, даже превосходят его. Вот перечень нескольких таких обществ: «Братство Экстаза», «Пылающий Крест», «Орден Красных Мужей» (отнюдь не революционных), «Стражи Ливанского Кедра», «Братство Филина», «Братство Хранителей Священной Амфоры», «Военный Орден Змеи».

Правда, звучит как анекдот? Но еще анекдотичнее сама деятельность орденских «рыцарей». Эти «рыцари» бывают разных степеней и по этим степеням, как по блаженной памяти табели о рангах, движется честолюбивый заурядный американец. Пробыв некоторое время рядовым «братом», можно за стаж, за усердие и особенно за денежные взносы подняться выше и получить, напр., звание «Священника Волшебного Царства» или «Белого Глашатая Независимого Круга Совы». Торговец бакалейю оказывается «Центурионом Союза Преторианцев», его бухгалтер — уже состоит «Вождем Охранителей Черного Алтаря». Наиболее активные (и богатые) могут мечтать о сане «Великого Верблюда каравана Гам-Гам» или даже — но это уже удел самых

избранных — стать «Светлейшей Собакой Ордена Коричневых Такс».

Разве не чудная отдушина в затхлой атмосфере штампованной жизни, обязательных мыслей и механизированных чувств? И «тайные» ордена множатся и ширятся. «Ку-Клукс-Клан» (три К), наиболее типичный из них во всех отношениях, существует уже более 60 лет; но расцвет его начался лишь с 1915-го года, когда, под влиянием великой европейской войны, резко выявилось стремление к американскому национализму. Уже через 8 лет КKK завербовал 2½ миллиона членов, а к началу настоящего года насчитывалось: «рыцарей» — 4 миллиона, активно сочувствующих — 8 миллионов, просто сочувствующих — 15 миллионов. И так, почти четверть населения Штатов втянута в КKK. Чем же, однако, их туда привлекают?

Остановимся сначала на внешней стороне. Для КKK — Штаты вовсе не республика, а «империя», делящаяся на «страны», «герцогства» и «палатинаты». Во главе всего КKK

Торжественное празднование 58-ой годовщины КKK.

стоит «Император» или «Великий Кудесник», а за ним — книзу — идут «герцоги», «палатины», и рядовые «рыцари». За взнос в 10 долларов фермер, клерк, торговец, врач, любой гражданин протестантской веры, родившийся в Америке от чистых белых родителей, может стать рыцарем КKK. Завербованного новичка приводят на собрание — чаще всего под открытым небом — с повязкой на глазах. Повязку снимают — и он видит вокруг себя множество странных фигур в белых балахонах, с капюшонами в виде конуса на головах. На всем — кресты; сверкают факелы; и «палатин» округа, задав непонятные символические вопросы, торжественно приводит новичка к присяге. А в это время остальные рыцари — сотни, тысячи, заунывно и грозно поют:

Кто клятве изменит,
Тот проклят навеки!
И телом и духом
На смерть обречен!

После присяги — крещение у фонтана, и здесь новичок дает вторую клятву — быть верным «Великому Циклопу», символическому образу КKK. Подобно мифическому циклопу — одноглазому великану, — КKK «все видит, все слышит и побеждает все», т.е. по крайней мере, стремится побеждать все.

Итак, за 10 долларов вчерашний серенький крохобор стал рыцарем. Он знает, что угрозы, которые деди при его вступлении, не пустой звук. Теперь он каждый час может ждать призыва. Отныне он должен участвовать в собраниях КKK, в проходящих по улицам процессиях — будь то день или ночь — с зажженными факелами; а главное — в деловых выступлениях своего клана (отряд). Нужно ли линчевать (убить самосудом) негра, оскорбившего белую девушку, разгромить типографию негодной газеты, выпороть, вывалить в смоле и перьях или даже кастрировать несколько «наглецов», осмелившихся мыслить не по штампу и жить по-своему, — на все это должен быть готов рыцарь КKK.

Если бы он прежде замыслил что-нибудь подобное, то попал бы в тюрьму на многие годы или даже на «элек-

трический стул». Но в рядах и под знаменем «Ку-Клукс-Клана» можно делать все невозбранно: КKK покрывает и защищает. Впрочем, КKK и не скрывает своих расправ, на груди и на лбу своих жертв — убитых или оставленных в живых — он выжигает свои три страшных буквы. Никто не боится КKK. Отдельные исполнители ведь замаскированы капюшоном, а кто ренят их по именам? А если жадают вообще на «Ку-Клукс-Клана»,

то судья, сам «рыцарь», с изумлением ответит, что «такой организации не существует», что «официально о ней ничего неизвестно». Да этого и не нужно: кто же в Штатах так безумен, чтобы бросить вызов «Ку-Клукс-Клану», который имеет своих рыцарей везде, влияет на все и, в сущности, есть второе — тайное, но могущественное правительство!

Таков «Ку-Клукс-Клан». В остальных орденах почти те же формы и обряды, а за этой дразнящей воображение полу-опереточной внешностью кроются более или менее одинаковые внутренние цели и задачи. Их — эти цели и задачи — можно охарактеризовать в немногих словах.

Знаки КKK, выжженные каленым железом на груди и лбу одной из жертв этой организации.

Второй рисунок изображает «рыцаря», не пропускающего непосвященных.

Почти все эти ордена пылают животной ненавистью ко всему неамериканскому, с одной стороны, и ко всему небуржуазному, — с другой. Все это — фашизм самой чистой пробы, родившийся еще до того, как он был изобретен в Италии.

В области внешней политики законы против иностранных рабочих, проведенные за последние годы в Америке, несомненно дело рук тайных обществ. Запреты эмиграции, особенно въезда ищущих труда, так усилившие безработицу в Европе, идут из этого же источника. Безусловно и вражду к Японии, угрожающую привести к войне, вдохновляют все те же тайные общества. В сфере политики внутренней они яростно борются с рабочим движением, совершают налеты на рабочие организации, срывают стачки, держат под террором целые районы и, в особенности, подвергают невыносимо деспотическому контролю дела, мысли и жизнь отдельных лиц. После великой Октябрьской Революции большевизм и коммунизм в глазах рыцарей тайных обществ представляются ненавистнейшими понятиями и борьба с большевизмом считается у них самой боевой задачей.

Конечно, все это продлевается по указке и в целях магнатов крупного капитала, которые снабжают тайные общества деньгами и являются их истинными хозяевами. Рядовые «братья» и «рыцари» об этом не задумываются и тешатся мыслью, что осуществляют в своих организациях собственные свободные стремления, и живут в них особой таинственной жизнью, вознесенной над затхлыми буднями.

На деле же эти «свободные стремления» так же порабощены, как и все в Америке, — и эта отдушина, созданная для задыхающихся, в виде тайных обществ, — есть хитрый и ловкий вид все того же неодолимого засилья, комедия, в которой все эти «белые совы» и «великие верблюды» играют роль выючных ослов. Эта таинственная «свобода» тайных «рыцарей» так же вездесуща и механизирована, как и 10 миллионов электрических утюгов. И уйти от этой узды, от этого штампа, в Америке невозможно никуда.

До поры, до времени, конечно.

О. ЯКОВЛЕВ.

ПРЕДРАССУДКИ И СУЕВЕРИЯ У МОРЯКОВ.

В век радио, дирижаблей и других чудес науки и техники, человечество еще не освободилось от нелепых предрассудков и суеверий, навеянных старым бытом. Послушать бы, какие смешные суеверия существуют у моряков. Так, например, до сих пор на ближнем Востоке моряки не рискуют выходить в Архипелаг и Черное море до дня св. Георгия — периода окончания весенних штормов.

Один из самых распространенных среди моряков всех наций, обычаев, — ритуал при переходе через экватор, когда моряк, впервые совершающий этот переход, посвящается в «рыцари» моря... Этот обычай существует со времен Христофора Колумба. Обряд этот действительно не только при переходе через экватор, но и при приближении к опасным местам, проливам и мысам. Обычно, моряки погружают «новичка» в воду, а сами дают различные обеты, исповедуются и причащаются. Моряки всех наций, совершая эти обряды, обычно подражают друг другу.

Первые обряды при прохождении через экватор на судах русского военного флота относятся к 1803 году на судах «Надежда» и «Нева», под командой Крузенштерна и Лисянского в Тихом океане, на пути из северного полушария в южное. На корабле был поднят флаг, гюйс и вымпел, а команда, расставленная по реям, кричала — «ура».

Гренландские китоловы празднуют первое мая точно так же, как переход через экватор. Празднование 1 мая происходит в кружении, которое, на подобие нашей хль-

стовщины, настолько гипнотизирует массу, что бывали случаи прыжков за борт целыми группами людей.

В XVII в. греческие мореплаватели брали с собою в плавание тридцать маленьких хлебов. В бурю они постепенно кидают их в воду с молитвой, обращаясь к «покровителю» моряков «св. Николаю». Нередко обряды граничили с черной магией. Арабские парусники заклинали «царя» злых духов, чтобы заставить успокоиться ветер. корсары Средиземного моря гадали о погоде по кровавым внутренностям барана, китайцы во время наступившей бури спускают с кораблей по ветру лоскутки золотой бумаги, жители Мальдивских островов в Тихом океане для украшения «бога ветров» пускают в море лодки, зажигая на них грандиозные костры из душистого дерева.

Присутствие священнослужителей на корабле у всех наций толкуется, как неминуемая порча погоды или нарушение благополучия плавания.

В XVI в. французские моряки давали зарок и клятвы, клялись хлебом, вином, солью и бросали в воду кусочек хлеба, щепотку соли и несколько капель вина.

Моряки всех стран не снимаются с якоря по понедельникам и пятницам или 13 числа, стараются не здороваться за руку через порог, не прикуривают третьим от одной спички и т. д.

Все эти перечисленные суеверия, как это ни странно, живут в полной мере и в наше время среди моряков всех стран, но уже исчезли на судах С.С.С.Р.

КОГДА НА ЗЕМЛЕ БУДЕТ СЛИШКОМ МНОГО ЛЮДЕЙ?

Империалистическая война 1914—1918 г.г. значительно уменьшила население всех участвовавших в ней стран — не только потому, что унесла много здоровых, молодых жизней, но также и потому, что в годы войны резко упала рождаемость. Природа, однако, быстро восстанавливает нарушенное соотношение между рождаемостью и смертностью и в ближайшем будущем доведет его в большинстве стран до нормы.

Нормальное же число рождений у на-

Рис. 1. Население ежегодно возрастает на 1%. На рисунке наглядно показан рост населения в течение 100 лет. Сто человек, жившие в 1800 г., превратятся в 1850 г. в 165 чел., в 1900 г. — в 270 чел., в 1950 г. — в 445 чел. и в 2000 г. — в 730 чел.

родов белой расы настолько больше числа смертей, что население ежегодно увеличивается, круглым счетом, на 1%. Не надо забывать, что численность населения растет не по простым, а по сложным процентам. Это большая разница, и ее необходимо себе уяснить. Если вы положили в банк 100 рублей на 10 простых процентов (годовых), то через год эти деньги превратятся в 110 руб., через 2 года — в 120 руб., через 3 года — в 130 руб. и т. д. Если же деньги растут по сложным 10%, то через год они превратятся тоже в 110 р., но через два года — в 110 + 11 = 121 руб., через три года в 121 + 12 = 133 руб. и т. д.: 10% исчисляются не с основных 100 руб., а со 100 руб. вместе с наросшими процентными деньгами. Чем больше лет лежит капитал, тем разница заметнее. Вот, например, сравнительный рост в первые 7 лет:

По простым: 100 р., 110 р., 120 р., 130 р., 140 р., 150 р., 160 р., 170 р.
По сложным: 100 р., 110 р., 121 р., 132 р., 143 р., 155 р., 167 р., 180 р.

Поэтому, когда мы говорим, что белая раса увеличивается в численности на 1% в год, то это означает более внушительный рост, чем кажется с первого взгляда. Знакомые с алгеброй могут подсчитать, что при таком % роста численность белой расы должна удваиваться каждые 70 лет*). Можно убедиться в вычислении, что сотня людей, живших в 1800 г. должна в 2000-м году превратиться в 730 человек. Это

Рис. 2. Численность отдельных рас: к белой расе принадлежит 40% человечества, к монгольской — 30%, к малайской — 24%, к негритянской — 6%.

такой огромный прирост, что вполне естественно возникает опасение: не близится ли время, когда на земле станет тесно жить?

*) Норма роста населения — 1% — средняя для белой расы. У различных народов она различна. Население нашего Союза растет быстрее — в год на 2—3%. Это дает удвоение каждые 35—23 года, так что около середины XX века нынешнее 143-миллионное население Союза возрастет до 280 миллионов!

Рассмотрим вопрос ближе. В настоящее время на земном шаре обитает 1.750 миллионов человек. Из них на долю белой расы приходится 710 миллионов, на долю монгольской расы — 510 м., малайской — 420 м. и негров — 110 м. Белая раса составляет, таким образом, около 1/3 всего человечества. Но относительная численность белой расы не остается на одном уровне; она стремится возрасти, так как белая раса размножается быстрее всех прочих; ее численность возрастает в среднем на 1% в год, численность же прочих рас увеличивается медленнее. Этим, между прочим, объясняется широкое расселение белой расы по земной поверхности, 9/10 которой населены ею.

Самая населенная часть света — Азия: здесь живет больше половины человечества. Второе место занимает Европа, где живет четверть человечества; затем Америка, где обитает около 1/10 всего человечества, и Африка, дающая приют 1/14 доле человеческого рода. Последнее место занимает Австралия (1/20% всего населения мира).

Сама по себе цифра 1.750.000.000 человек, как будто не велика по сравнению с обширной поверхностью нашей планеты. Если собрать все человечество в одну сплошную толпу, оно заняло бы площадь всего лишь в 400 с небольшим квадратных километров (по 4—5 человек на квадрат. метр). Это очень небольшая площадь — вдвое менее, чем, например, поверхность озера Ильмень. Но, когда высказывают опасения относительно земельной тесноты на земном шаре, то имеют в виду не физическую тесноту, а экономическую. Иначе говоря: вопрос ставят не о том, когда на земном шаре ступить будет некуда, а о том, когда земной шар не сможет прокормить своих обитателей. Это вопрос совершенно иного порядка.

АЗИЯ 56% | ЕВРОПА 25% | АМЕРИКА 11,5% | АФРИКА 7% | АВСТРАЛИЯ 0,5%

Рис. 3. Как распределяется человечество по частям света. В Азии живет 56% всех обитателей земного шара, в Европе — 25%, в Америке — 11,5%, в Африке — 7%, в Австралии — 0,5%.

произведения этого земельного участка могли кормить одного человека в течение года. Будем считать, что в среднем, человеку нужно ежедневно 900 граммов хлеба, 750 граммов мяса и 120 граммов масла (или другой пищи, равнозначной по питательности). Чтобы получить от земли такое количество продуктов в год, которое — из этого расчета — поглощается одним человеком, надо иметь 12 аров пахотной земли и 20 аров дуга; напомним, что ар — 100 кв. метров.

Итак, для прокормления одного человека, требуется в среднем, примерно, 3.200 кв. метров пригодной земли. Умножьте это число на численность человечества, — и вы узнаете, что для поддержания жизни всех обитателей нашей планеты необходимо 5 миллионов кв. километров. Вся же пригодная для земледелия поверхность земного шара, т.е. вся суша за вычетом пустынь и скал, — равна 110 миллионам кв. километров. Значит, планета наша могла бы прокормить в 22 раза больше людей, чем живет на ней сейчас.

Теперь мы подошли вплотную к тому вопросу, который мы поставили вначале: когда на земле станет слишком много людей? Это будет тогда, когда численность ее населения возрастет в 22 раза. Через сколько же лет это наступит, если считать, что население растет на 1% в год? *).

Алгебра дает ответ: через 300 лет.

*) Этот % имеет стремление увеличиваться, так что срок у нас получится преувеличенный.

Некоторые ученые считают, что роковой момент наступит еще раньше. Они исходят из того, что наша планета способна прокормить самое большее — 5.200 миллионов

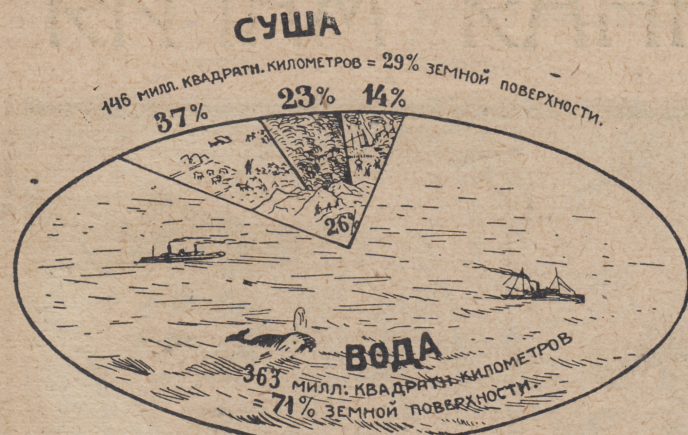

Рис. 4. Какая часть земной поверхности пригодна для земледелия. — Из 509 миллионов кв. километров земной поверхности 363 м. кв. км покрыто водой, а из 146 м. кв. км суши 26% — пустыни и скалы. Из остальной части суши 14% занято под пашни и сады, 37% — луга и пастбища и 23% покрыто лесом.

человек, и выводят отсюда, что земля будет перенаселена уже через 100 с небольшим лет...

Сто лет — срок весьма небольшой для жизни человечества. Но эти мрачные предсказания не должны приводить нас в уныние. Ведь они основаны на предположении, что способы добывания средств пропитания останутся в буду-

щем теми же, какими мы знаем их теперь. Однако, не может подлежать сомнению, что едва только обнаружатся первые признаки земельной тесноты, химия поставит в обширном масштабе работы по изысканию способов лабораторного изготовления питательных веществ. Когда же эта задача будет успешно разрешена, — а на это есть все осно-

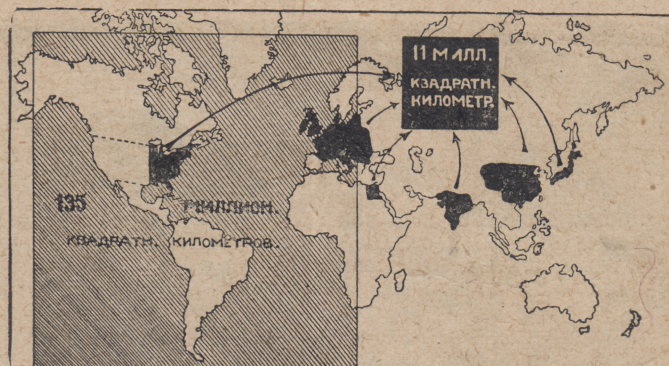

Рис. 5. Где живет больше всего людей? Один миллиард людей обитает на поверхности в 11 миллионов кв. км (Европа, Вост. Америка, Египет, Индия, Китай, Япония). Остальные $\frac{2}{3}$ человечества живут на пространстве в 135 милл. кв. км.

вания надеяться, — тогда пробирка химика заменит собою луг и пахотное поле. Мрачный призрак перенаселения нашей планеты отодвинется далеко вглубь грядущего и перестанет нас тревожить. Нужно лишь высоко держать знамя науки и неослабно расширять поле ее плодотворных изысканий

Я. Перельман.

ВОКРУГ СВЕТА НА ВЕЛОСИПЕДАХ

Очерк П. САЖИНА.

Два отважных студента Института Физической Культуры, т. т. Князев и Фрейдберг, 1 июля 1924 года отправились из Москвы на велосипедах в кругосветное путешествие. Имея в запасе много энергии, мало денег, смельчаки нажали на педали машин и покинули Москву, с очень тощими кошельками.

За два года и семь месяцев путешественники проехали и прошли 45 тысяч километров. Из них 20 тысяч километров они прошли пешком и проехали на велосипедах 1-го Гос-авиозавода. Два с половиной года пути, зачастую по очень плохим дорогам, велосипедисты совершили на советских машинах. За все время был произведен только один крупный ремонт машин — в Мексике, когда у машины Фрейдберга лопнула рама. Шины Резинотреста на 19.000 километров менялись только три раза!

Вот что рассказал о своем путешествии т. т. Князев и Фрейдберг:

— Мы хотели ознакомиться с бытом и жизнью народов различных стран и испытать советские машины. Все это нам вполне удалось сделать.

Мы побывали в Сибири, на Дальнем Востоке, в Китае, Японии, Мексике, Кубе, Панаме, Колумбии, Германии и Польше.

На Дальнем Востоке мы попали в тридцатиградусные морозы. Там же постигло нас первое приключение — напали волки. Мы были безоружны и пришлось от них по снегу удирать на велосипедах. Из Владивостока мы попали в Китай и там задержались, так как Америка не давала визы.

К моменту прибытия в Шанхай мы уже израсходовали все деньги и некоторое время были без работы. Поступили грузчиками в порт. Во время шанхайских расстрелов мы две с половиной недели охраняли наше консульство от налета белогвардейцев.

Белогвардейцы угрожали нам расправой, если мы не уедем. В это время Япония признала СССР, и мы получили визу на въезд туда.

По пути в Японию за нами на пароходе следили сначала белогвардейские, затем японские шпики.

В Японии мы застали наших летчиков т. т. Громова, Найденова и др. и поступили там на работу по подготовке аэродромов.

По дороге в Мексику нас ни разу не выпускали с парохода, а когда на Гавайских островах, воспользовавшись стоянкой, мы вздумали искупаться, то за нами снарядили погоню на катерах.

Полиция боялась, что мы «распропагандируем гавайцев».

В Мексике мы пробыли 6 месяцев. На первых порах нам было очень трудно. Мы не знали испанского языка и, кроме того, деньги очень быстро таяли.

Жара в то время была невозможная, а мексиканскую пищу даже наши нетребовательные желудки отказывались принимать.

Работу найти не удавалось. Нас выручила приехавшая в Мексику научная экспедиция ВСНХ. С экспедицией мы отправились по Мексике и ознакомились с жизнью индейцев, тропической флорой и фауной.

Во время этой поездки мы охотились на крокодилов. Однажды пришлось и мясо их попробовать. Съели хвост крокодила; очень невкусен.

Из Мексики мы отправились в Кубу, а оттуда к Панамскому каналу. Видели эти знаменитые сооружения, которые производят огромное впечатление. А в каких-нибудь 100 километрах от этого памятника технического совершенства живут индейцы, почти совершенно не затронутые культурой.

По окончании работы экспедиции мы возвратились в Мексику и продолжали путь снова одни на велосипедах.

Ни в Канаду, ни в Испанию, ни во Францию нам визы не дали. Мы поехали через Германию и вскоре очутились в Гамбурге.

Оттуда мы отправились в Берлин. В Германии нам рабочие организации устроили чрезвычайно теплую встречу, зато Польша встретила нас недружелюбно. Нам долго не давали визы, за нами следили, всюду чувствовался гнет, крестьяне боялись с нами разговаривать.

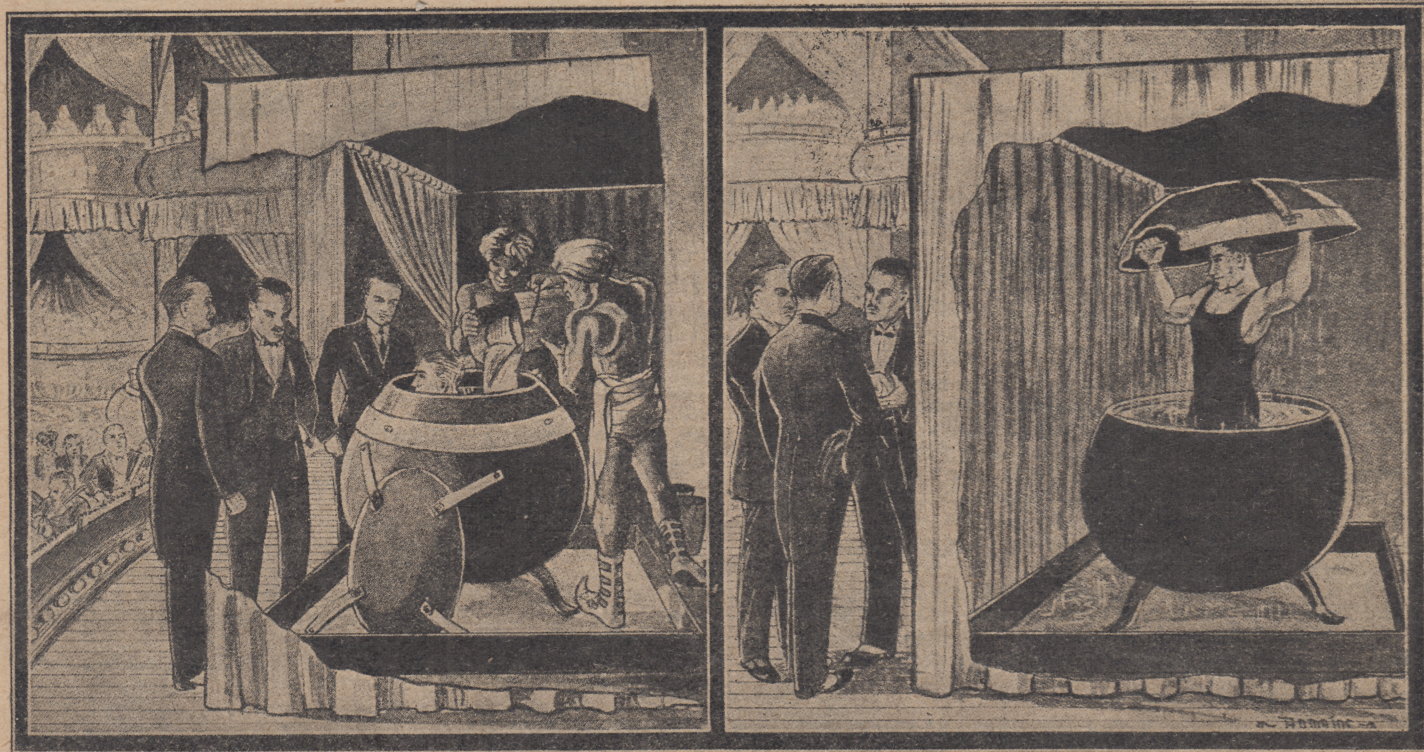
Только когда побываешь за границей, особенно сильно начинаешь чувствовать разницу между СССР и буржуазными странами.

Перевалив через польскую границу, мы сразу приободрились и почувствовали, что на своей земле.

До Киева шли вполне благополучно, а от Киева до Москвы в пути неоднократно попадали в метели.

РАЗОБЛАЧЕННАЯ МАГИЯ

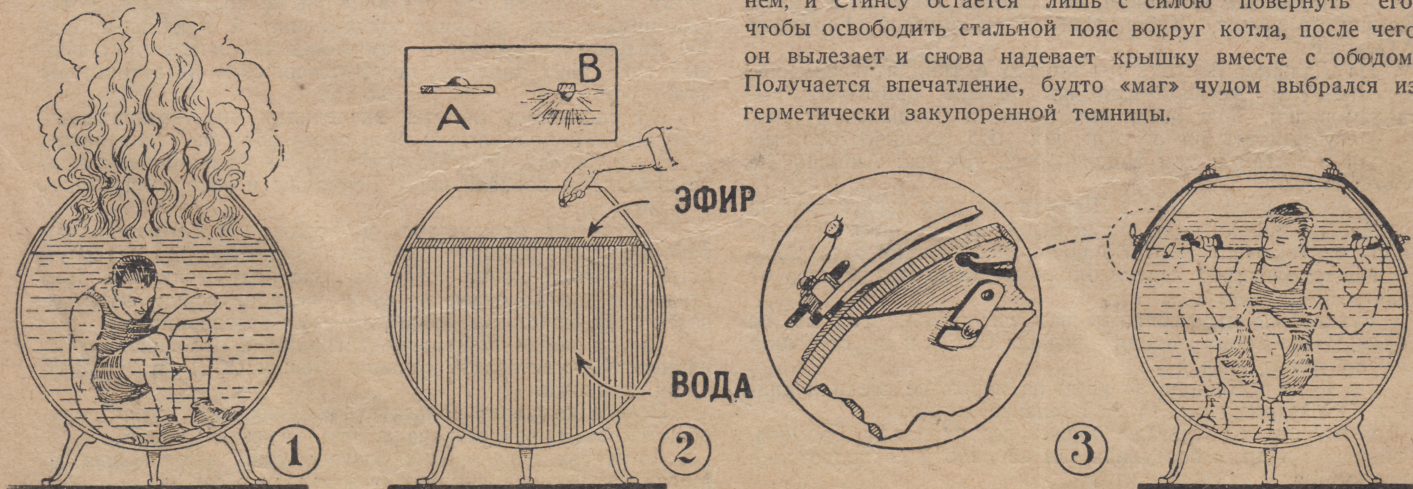
В Париже пользуется колоссальным успехом «маг» Стинс, который на глазах у публики проделывает изумительные трюки. Особенно прославился он двумя ошеломляющими фокусами.

Стинс влезает на глазах публики в огромный котел, наполненный до известного уровня водою, и едва его голова скрывается под водою, как из котла вырывается пламя, которое горит 2-3 минуты. А когда огонь прекращается, Стинс вылезает из воды невредимым.

Второй трюк следующий. Стинс влезает в тот же котел с водою, а затем специальная крышка наглухо привинчивается, опять-таки, посторонними людьми, а на наружные болты накладываются даже печати. Свидетели отходят потом на два-три шага, перед котлом спускается занавес, а когда он через несколько секунд поднимается вверх, Стинс стоит возле котла, крышка которого не тронута и печати совершенно целы.

Объясняются оба трюка очень просто. Когда помощники Стинса наливают в огромный котел воду, они одновременно с последним ведром вливают бутылочку эфира, который, будучи много легче воды, всплывает на поверхность. А как только Стинс влезает в воду, одному из его помощников не стоит никакого труда кинуть туда крохотный кусочек калия или натрия, который немедленно воспламеняет эфир. Единственная заслуга Стинса это — его умение оставаться подолгу без воздуха, но науке известны случаи, когда люди не только в состоянии были долго задерживать дыхание, но даже произвольно останавливать деятельность сердца. А научиться не дышать 2-3 минуты — всегда можно путем долгой тренировки.

Второй трюк еще проще, хотя с вида и не менее загадочен. Стальной пояс, к которому привинчивается крышка, вовсе не припаян к котлу, а лишь плотно насажен. Котел на уровне плеч фокусника пронизан металлическим стержнем, и Стинсу остается лишь с силою повернуть его, чтобы освободить стальной пояс вокруг котла, после чего он вылезает и снова надевает крышку вместе с ободом. Получается впечатление, будто «маг» чудом выбрался из герметически закупоренной темницы.

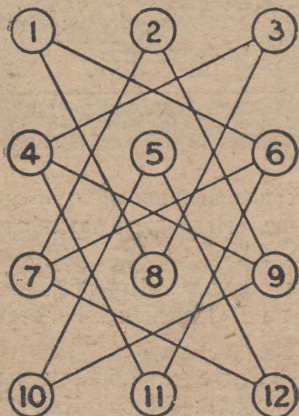

КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?

Новые испытания Сэма Ллойда.

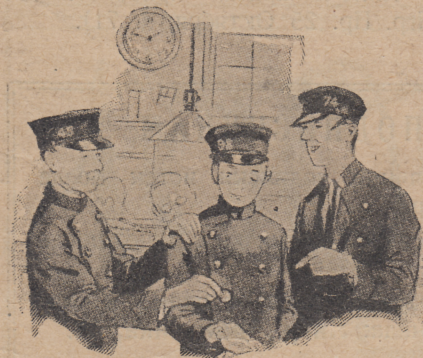
ЗРИТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

НАЧАВ с кружка, обозначенного цифрой 1, прогуляйтесь вашими глазами вдоль линий рисунка до кружка 12, посетив при этом только один раз каждый из промежуточных кружков. Если вы можете с достаточной легкостью направлять ваш умственный взор по этому лабиринту, значит ваш ум и зрение работают в дружном сотрудничестве.

ЦИРКУЛИРУЮЩАЯ МОНЕТА.

ТРИ мальчика-посыльных одной из нью-йоркских контор свели свои взаимные денежные счета следующим образом:

Посыльный 45 был должен посыльному 98 три цента. Посыльный 98 был должен 2 цента посыльному 74, который ровно столько же был должен посыльному 45.

Получив на чай одну монету, посыльный 45 отдал ее в счет долга своему кредитору. Это послужило хорошим примером и, пустив монету в обращение между

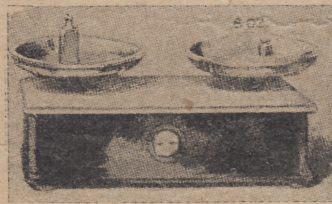
собой, все трое расквитались ею со своими долгами. Как же они это сделали?

Обладающие способностью к счету разрешат этот вопрос в несколько минут.

ШУТКИ ВЕСОВ.

НА левом рисунке стоящая на правой чашке весов склянка весит 8 унций. А на другой чашке та же склянка, как показано на правом рисунке, весит всего $6\frac{1}{8}$ унций. Торговец, который, закупаая свои товары, взвешивал бы их на правой стороне этих весов, а перепродавая клал бы их на левую сторону, мог бы разбогатеть в два счета.

Перемена в весах точки приложения сил, во всяком случае, выгодное мошенничество. Тот факт, что одно коро-

мысло длиннее другого, можно замаскировать, как это видно на рисунке. Если незаметно утяжелить короткую сторону, можно привести обе пустых чашки в равновесие. Конечно, когда взвешивание производится на таких весах, то точка опоры рычага не совпадает с геометрическим центром весов.

Можете вы установить правильный вес этой склянки? Если вы обладаете способностями к математическому исследованию, вы быстро найдете ответ.

ЛЮБОПЫТНЫЕ ЦИФРЫ.

НА этой таблице видно, как четные и нечетные цифры, группированные отдельно путем употребления простых дробей, могут быть написаны так, чтобы составить в сумме 5 и 6.

Можете вы найти другой способ написания обеих групп, на этот раз без употребления неправильных дробей, чтобы при этом сумма обеих сторон была совершенно одинакова?

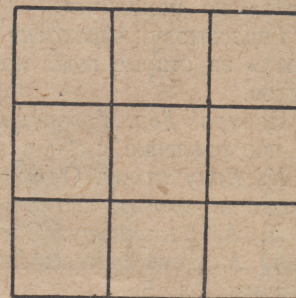
6	5 7
2	1 9
8	3
4	
5	6

КВАДРАТ ИЗ ДЕВЯТИ КЛЕТОК.

ЛЕГКО убедиться, что на изображенном здесь квадрате из девяти клеток в восьми точках пересечения мы имеем нечетное число расходящихся прямых линий.

Надо разделить общее число нечетных точек пересечения на два, чтобы определить число продолжающихся

линий, необходимых для построения данной фигуры. Таким образом, для данной фигуры потребуется минимум четыре продолжающихся линий, при том условии, если возбраняется возвращаться обратно по той же линии или пересекать ее.

Представим себе, что эта фигура образована следующим образом: положены четыре отдельных проволоки, одинаковой длины, все одинаковым образом изогнутые и не перекрещивающиеся. Какова будет обычная длина и форма этих четырех проволок?

Это задание требует внимательного рассмотрения чертежа и предлагается для испытания вашей способности к форме и анализу.

РАЗРЕЗАНИЕ НА ЧАСТИ.

ТРЕБУЕТСЯ разрезать на четыре части одинаковой величины и формы эту фигуру. Ее площадь представляет собой три четверти прямоугольника, длина которого вдвое больше ширины.

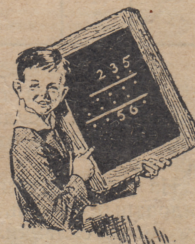
Вы выкажете способность к методическому анализу геометрических форм, быстро найдя требуемое решение.

Как быстро вы производите цифровые вычисления?

РЕШАЯ на грифельной доске свой пример на умножение, маленький Джонни вздумал превратить его в головоломку. А потому он стер с доски 13 цифр, предлагая своим домашним отыскать множитель. Его сестренка Китти быстро сообразила, что Джонни с успехом мог бы пользоваться любым из двух множителей для получения одного и того же произведения.

Можете ли вы быстро сообразить, в чем заключалась догадка Китти?

О. Ды — ой и др. Вы спрашиваете, как выписать один недостающий номер журнала? Если нельзя достать у местного газетчика, то пришлите 20 коп. в контору издательства и укажите нужный номер.

В. Бородулину. А. Конан-Дойль живет и здравствует до сих пор.

Тому Таранову. Плату за 2-е полугодие вышлите при получении №№ 9—10. Тогда перерыва в доставке не будет.

Козаку. Приложения будут досылаться почти с каждым номером, начиная с девятого.

К. Яковлеву. Наш журнал ни в какой связи (издательской и редакционной) с московским «Вокруг Света» не находится. — Стихов и пьес не печатаем.

Герасимову, Фролович и др. Комплекты «Вокруг Света» за старые годы можно достать только у букинистов.

Сибирь. Дер. Гагорушка. Семенову с товарищами. За поздравление с 1-ым мая большое спасибо.

К. Полуэктову. О смерти кино-артиста Пата редакция ничего не слыхала.

Н. А. Платицыну. Обратитесь в Этнографический музей Академии Наук: Ленинград, В. О. Университетская наб., д. 5.

Нудельману, В. Левашеву. О приобретении фотоаппаратов обратитесь в Фотокинотрест: Ленинград, пр. 25 Октября, д. 71.

В. Балдинову. О приборах для выпиливания и выжигания справьтесь в Акц. О-ве «Наглядные пособия». Ленинград. Пр. 25 Октября, д. 60.

А. Ганж. Указываем для начала: Д-р Тимофеев «Гипноз и внушение» Изд-во «Красная Газета». (Цена с перес. 17 к.).

Радиолюбителю. Если вы хотите приобрести начальные сведения, то можем указать: Емцов «Как построить радиоприемник». Изд-во «Красная Газета». (Цена с перес. 20 к.). Напишите также в изд-во «Академия» (Лгр. Пр. Володарского, д. 40), чтобы выслали свой радио-каталог.

7 подписчикам. Кино-аппараты приобретаются в Фотокинотресте (Лгр. Пр. 25 Октября, д. 71).

ВСЕМ ПОДПИСЧИКАМ

Срок трехмесячной подписки истек после выхода 6-го номера.

Срок шестимесячной подписки истечет после выхода № 12.

Подписку направляйте почтой прямо в контору нашего журнала: **Лигр., Фонтанка, 57.**

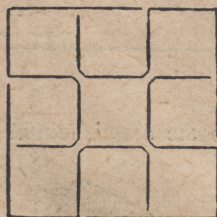
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 8

Группировки цифр.

Цифры группируются следующим образом:

$$\begin{array}{r} 79 \\ 5\frac{1}{3} \\ \hline 84\frac{1}{3} \end{array} \quad \begin{array}{r} 84\frac{2}{3} \\ \hline 84\frac{1}{3} \end{array}$$

Квадрат из 9 клеток.

Вот каким образом можно сгруппировать четыре проволоки одинаковой длины, чтобы образовать данный чертеж.

Шутки весов.

Чтобы найти правильный вес взвешиваемого на неверных весах предмета, надо извлечь квадратный корень из произведения отмеченных на обеих сторонах весов величин.

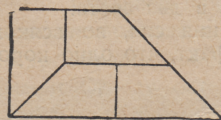
На рисунке эти величины составляют 8 и $6\frac{1}{3}$ унций. Квадратный корень их произведений — 7 служит правильным весом склянки.

Это — простая задача на пропорцию. На верхнем рисунке 8 унций веса относятся к склянке так же, как склянка на нижнем рисунке к $6\frac{1}{3}$ унций веса.

Зрительная прогулка.

Посетите кружки в следующем порядке: 1, 8, 3, 4, 11, 6, 7, 2, 9, 10, 5 и 12. Нужно было решить в 15 минут.

Разрезание на части.

Чертеж показывает, как надо разрезать данную фигуру.

Циркулирующая монета.

Монета была в один цент, посыльный 45 отдал ее в счет своего долга посыльному 98. Посыльный 98 передал ее 74 и остался ему должен еще 1 цент. 74 отдал ее 45, причем за ним остался еще один цент долгу.

45 получив свой цент обратно, вторично вернул 98 одну треть своего долга, а 98 тотчас же полностью рассчитался с 74.

Затем 74 покрыл свой долг 45, а 45 вручил монету 98 и тем самым окончательно расквитался с ним.

Головоломка Джонни

Тринадцать недостающих чисел могут быть восстановлены, умножая 235 на 79 или 96.

ИЗУЧАЮЩИМ НОВЫЕ ЯЗЫКИ

10000 Слов немецких

Это не школьное руководство, а богато иллюстрирован. новейший самоучитель немецкого языка. Занимательный по своему содержанию, он легок в усвоении и экономен по времени: весь курс из 15 выпусков можно пройти в шесть месяцев.

Цена отдельного выпуска 15 коп.

Требуйте у всех газетчиков, в книжных киосках и на вокзалах.

2 руб. Весь курс из 15 выпусков по подписке. **2 руб.**

ЛЕНИНГРАД, Фонтанка, 57. „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

10000 Слов английских

НОВЕЙШИЙ САМОУЧИТЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Все 15 выпусков в одной книге. Цена 2 руб. (с перес.)

Ленинград, Фонтанка, 57 „Красная Газета“

В. ДИНЗЕ. Начальные основы английского произношения Лгр. 1926 г. Ц. 40 к.

О Н - Ж Е. Английский язык на дому. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к. (с пересылкой).

БЕРМАН. Вы говорите по английски? (Сборник английских идиом).

Выпуски I и II. Цена выпуска 50 к.

Заказы адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57 „Красная Газета“,

**КРАСНАЯ
МОРАВА**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Во второй половине июня начинается печатание нового,
нигде неопубликованного романа **МАКСИМА ГОРЬКОГО:**

„ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА“

(из трилогии „За 40 лет“)

СОВЕТЫ-УКАЗАНИЯ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА „Вокруг Света“

1. Присылая подписную плату за журнал, обязательно указывайте являетесь ли **новым или старым** подписчиком. В последнем случае присылайте ярлык, по которому получаете журнал.

2. Если подписчик без приложений хочет подписаться дополнительно на приложения, пусть делает обязательную пометку; **„доплата за приложение“**.

3. Подписчики, приславшие подписную плату и пересылающие ее теперь без указания срока, с какого числа они подписываются, зачисляются подписчиками с 1 января и им досылаются №№ 1 и 2. В дальнейшем они получают журнал в зависимости от срока, на который они подписались, из расчета двух номеров в месяц.

4. Каждый, приславший подписную плату только на один месяц, т. е. 40 коп., получает два очередных номера, независимо от того, с какого месяца он указывает подписку, или же указывает номера.

5. Каждому, приславшему подписную плату с указанием, что подписка производится с января 1927 года, высылаются все вышедшие номера.

6. Условия розыгрыша, порядок и сроки его разъяснения о приложениях опубликованы в № 2 журнала **„Вокруг Света“**. Разъяснения даются и по вопросам читателей.

7. Журнал будет выпускаться с таким расчетом, чтобы к 1-му июля дать 12 №№, т. е. из расчета два №№ в месяц,—считая с 1 января 1927 г.

Направляйте свою подписку непосредственно в адрес **ИЗДАТЕЛЬСТВА**
(Ленинград, Фонтанка, 57).

Отсутствие посредников дает подписчику возможность получать журнал бандеролью с наклеенным на ней подробным адресом подписчика. Таким путем достигается своевременное получение журнала.

ВЫИГРАВШИМ ПРЕМИИ

ВЫШЛИТЕ свои билеты заказным письмом в редакцию
„ВОКРУГ СВЕТА“
(Ленинград, Фонтанка, 57) с точным указанием своего адреса.

Издательство **„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“**.